

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

В горниле северных ветров

повесть

1

Вагон просыпался. Снизу доносилось шуршание сумок и полиэтиленовых пакетов, позвякивание бутылок, клацанье стопорных замков полок. Сергей Батько открыл глаза. Он уже давно не спал — надоело. С пересыпу состояние было такое, будто в голове кусок свалывшейся ваты. Плюс к этому духота и спёртый воздух замкнутого пространства тоже сделали свое дело. Сергей не любил себя таким — вялым, разбитым, пустым. Не в его правилах валяться в постели от делать нечего. А, с другой стороны, чем ещё заниматься в поезде? Ешь да спи. Ну разве ещё поболтать с попутчиками о том да о сём.

Сергей осторожно перевернулся лицом к окну и огляделся. Соседа по верхней полке, майора ракетных войск в отставке, на месте не оказалось. Идеально ровная простыня, подушка — наполеоновской треуголкой, в ногах — одеяло, свёрнутое походной скаткой шинели, в кармане-сетке выстроены рядком мыльница, тюбик зубной пасты «Поморин», чехол от зубной щётки. Скукота да и только от таких порядков, одно занудство.

Поезд сначала постепенно сбавлял обороты, потом заскрежетал, резко дернулся и совсем встал. За окном показалось приземистое облезлое здание вокзала с названием станции — «Ак-Куль». Милицейская обшарпанная конура, когда-то выкрашенная по чьему-то загадочному умыслу в нелепый розовый цвет, ярким пятном цепляла глаз, лишний раз напоминая, что милиция тут кого-то все-таки бережет. Неоновые огни вывески «АЗЫК, ТУЛИК, ПРОДУКТЫ», оставленной включенной среди бела дня, призывали наведаться в привокзальный магазинчик.

На перроне — толкотня, сутолока, ругань. Милиционеры с отрешённым видом прогуливались вдоль вагонов, сонно постукивая о кирзу «индикаторами Перестройки», как в шутку говорили в народе о демократии резиновых дубинок, недавно появившихся в милиции. Увесистыми баулами, допотопными чемоданами, выставленными перед собой, чтобы ни на секунду не потерять из виду свое барахло, будто тракторными отвалами, торопливые пассажиры расчищали перед собой перрон от торговцев и их тележек, заставленных пластиковыми бутылками с кумысом, копчёным

жерехом, пакетиками с куртом, варёной картошкой, пирожками. Торговцы наперебой предлагали взмыленным пассажирам товар — трясли перед раскрасневшимися лицами пакетами, успевая при этом поругаться между собой. Одним словом, ничего нового.

Батько свесил голову глянуть, кого подселили к ним в плацкартное купе. Молодой казах с рыхлым, одутловатым лицом в джинсах-«варёнках» и лёгкой кожаной куртке наконец уложил клеёнчатые клетчатые баулы, опустил полку. Вслед за ним в проеме показалась пожилая казашка с мальчиком.

— *Барлык, апа, дуние-муліктер тенде. Бакытты сізге жолдар. Сәлемді Еркенге, Бауыржанга жүктыр. На келесі жылды созсіз сізді арада конактар кутеміз. Еркен сізді ша кел — кездестіреді!*, — тяжело дыша после такой ноши, сказал парень.

— *Ракмет, внучок. Бар уже Шынгыз — енді мен озі тойлаймын. Да жэне Сакен егер не комектеседі. Ол уже жігітпен стал*², — успокоила его женщина.

Ещё раз попрощавшись, требовательно прикрикнув «*Жол! Жол!*», Шингыс нырнул против растянувшегося по вагону нескончаемого потока всё прибывающих пассажиров. Толпа недовольно роптала.

Апа еле слышно выдохнула: «Ой, бай!», села рядом с мальчиком лет семи с пухлыми щеками, расцвеченными диатезным румянцем, а потом, чуть поправив на голове зелёный платок, махнула кому-то рукой за окном. Тихо, надеясь не потревожить соседей, женщина затянула заунывный мотив. Вдруг прервалась, словно о чем-то вспомнила, повернулась к мальчику.

— *Жеу боласын, Сакен?*⁴ — спросила она и, не дождавшись ответа, полезла в сумку, стоящую у ног в проходе.

Запахло *казами*⁵. Женщина огляделась по сторонам, будто ища знакомые лица. Рядом в проходе бойко раскладывали вещи, закидывали наверх сумки, заполняли багажные полки, вниз спускали свёрнутые в рулон пыльные матрацы. Галдѣж, суета — вроде все заняты. Тут, взглянув на верхнюю полку, апа заметила Сергея. Её подкопчённое, покрытое паутиной морщин лицо расплылось в гостеприимной улыбке.

— *Устелге деген бар, жігіт, карамастан!*⁶ *Айда, ешь!* — она махнула Сергею, приглашая его к столу.

Батько немного колебался. Ответно проставиться он не мог — зачерствелыми пирожками с картошкой, купленными ещё в Караганде, угощать было стыдно, но и отказывать соседке нельзя — можно обидеть. А тут ещё этот запах его любимой домашней конской колбасы!.. Он легко соскочил с верхней полки и сел за столик напротив новой соседки.

— Айда, давай ешь! — женщина заботливо подвинула ближе к гостю нарезанные казы и бутылку с кумысом.

Поезд резко дёрнулся, замер и плавно поплыл, постепенно набирая ход. Несколько мгновений — и вот позади остался перрон и попритихшие у своих товаров продавцы.

Апа внимательно разглядывала попутчика.

— Как зовут? — её раскосые глаза лучились искренным любопытством и участием.

— Сергей, — ответил он и, немного смущаясь, отломил кусок от лепёшки.

— Этот поезд что думает? Три минуты стоит! Када успеть сесть?! — возмущалась она, попутно подсовывая Сергею кусочки колбасы. Вернулся немного запыхавшийся майор, он положил на стол копчёную рыбину в засаленной бумаге.

— Уф, — выдохнул он, тяжело дыша, — еле успел. Всё, теперь только в Кокчетаве выйду, там хоть стоянка двадцать минут.

— Вот я и говорю, — оживилась апа, — куда поезд думает? Айда, садись к достархану⁷, — она благодушно улыбнулась и майору.

С приходом соседа разговор оживился. Оказалось, апа ехала домой, до станции Щучинск, в Боровое.

— Повезло мне, — лопотала она, — Аллах дал пятерых детей, и в таком месте красивом живу — вах! Моя сестра в Аксае живёт, брат — в бывшей Алексеевке, теперь — Ак-Куль. Везде степь. Степь — красиво. Боровое, — она задумалась, будто подбирая русские слова, — очень красиво! — и рассыпалась счастливым молодым смехом.

¹ Всё, апа, вещи уложены. Счастливой вам дороги. Передавайте привет Еркену, Бауржану. На следующий год ждём непременно вас в гости. Еркен встретит вас по приезду.

² Спасибо, внучек. Иди уже, Шингыс, теперь я сама справлюсь. Да и Сакен поможет, если что. Он уже джигитом стал.

³ Дорогу! Дорогу!

⁴ Кушать будешь, Сакен?

⁵ Казы — конская колбаса.

⁶ Иди к столу, парень!

⁷ Достархан — праздничный стол.

Сергей вполуха слушал ее, а отрешенный взгляд его плыл по степи, что лентой тянулась за окном.

— Почему загрустил, джигит? — Морщинки у внимательных раскосых глаз залегли в глубокие складочки. — *Туралы кызда ойлайсын*⁸, — догадалась она.

Апа была права — и про девушку, и про Боровое. Только вспомнилось ему Боровое десять лет назад.

2

С Аней они познакомились там же, в санатории Борового, известного в Казахстане курорта. Он — подающий надежды пловец, она уже с именем, мастер спорта по лёгкой атлетике. Оба приехали в составе своих сборных на короткий отдых восстановиться после утомительного летнего сезона соревнований. Это был их последний вечер отдыха перед сборами.

Красное рассерженное солнце клонилось к горизонту, наполняя ярко-розовым светом чашу Голубого залива, окаймлённого зелёной бахромой елового леса. На входе в залив, у самой кромки воды, вздыбилась вверх свою драконью голову скала Окжетпес, и дальше, вспарывая зелёное покрывало крон **деревьев позвонками-скалами, тянулось его могучее драконье тело хребтом Жеке-Батыра.**

Сергей с Аней сидели на теплой лысине скального выступа, ещё хранившего энергию палящего южного светила.

— А ты слышал, как появилось Боровое? — внезапно спросила девушка, нарушив гармонию тишины.

Ее голос отчего-то показался ему строгим, раньше он не знал его таким. Аня эффектно откинула прядь волос со лба, удивлённо, с вызовом посмотрела на Сергея. Насмешливые морщинки в уголках рта не шли этому красивому нежному лицу. Стройная, легкая, она мало походила на своих степных сородичей, лишь чуть выпирающие высокие скулы и черные густые волосы были напоминанием о её предках.

Сергей безразлично пожал плечами в ответ. Ему не хотелось сейчас разговаривать. Здесь, на скале, с высоты птичьего полёта он любовался открывшимся видом, от такой красоты захватывало дух. Сергей наслаждался летним

вечерним ветерком, приятно обдувающим тело. После тяжелого подъема на скалу по такой жаре тело просило покоя.

Он поудобнее расположился, с удовольствием вытянув ноги, и загляделся на подругу. Ее миндалевидные зеленые глаза жадно всматривались вдаль, словно пытаясь что-то разглядеть в темных контурах крон деревьев на другой стороне, маленький упрямый носик по-детски подрагивал. Девичий, почти родной уже голос звенел ручейком.

— Легенда гласит, — строго, по-учительски взглянув на него, торжественно начала Аня, — что, когда Аллах обделил казахов природой и по скупости не захотел расстаться с теми красотами, что еще остались у него, на помощь народу пришел сказочный герой, балагур и весельчак, безбородый насмешник Алдар-Косе. Предложил он Всемогущему поиграть с ним в прятки, а чтобы было где прятаться в голой степи, попросил у Аллаха маленькую горку. Тот шутя насыпал на голлом месте холм, который и поныне называется «Букпа», что означает — «прятаться». В разгар игры Алдар-Косе незаметно проделал в коржуне Аллаха дырку, и по степи из мешка рассыпались остатки гор, лесов и родников. Кстати, этот хребет, — она указала на «драконье» тело напротив них, — так и называется Спящий Богатырь.

— Думаешь, это и есть Алдар-Косе? — с сомнением спросил Сергей.

— Почему нет? Очень красивая легенда. Вдруг он сейчас очнётся ото сна?! — она театрально скривила гримасу, должно быть, выразившую страх.

— А по мне — это дракон или динозавр какой-нибудь. Смотри: вот там — туловище, а это, у самой воды, — голова. Прилёг он воды испить, да так козлёночком и остался, окаменел то есть. — Вспомнив про воду, Сергей потянул к себе рюкзак и вытащил из него бутылку минералки.

— И вовсе это не голова, — Аня обиженно надула губки и скрестила руки на груди, — ничего-то ты не понимаешь! Здесь девушка одна погибла, очень давно...

— Как же её звали? — глотнув воды, с иронией в голосе перебил ее Сергей. — Случайно не твоим именем? У тебя очень красивое имя — королевское, — он не хотел, чтобы она сейчас

⁸ О девушке думаешь?

вот так просто обиделась, и, набрав полные лёгкие воздухом, приложив ко рту ладони, протяжно выкрикнул: «Анна!!!»

Они оба прислушались к ускользящему в скалах эху, что пыталось спрятать в разломах каменных пород уже ставшее дорогим его сердцу имя.

— Дурачок, вот услышат тренеры — влетит нам обоим. У нас уже отбой давно, — и, не удержавшись, она поспешно поцеловала Сергея в щёку. Отворачиваясь от ветра, она повернулась к нему спиной, он обнял её за плечи.

— Видишь, у подножия скалы из воды возвышается ещё одна скала, похожая на сфинкса? — шепотом спросила девушка.

— Конечно, вижу! С берега она выглядит как голова старухи, — по-доброму подтрунивал Сергей над романтической барышней.

— Слушай, а то не скажу, — поджав губы, Аня легонько ущипнула его за бедро. — В этих местах давным-давно кочевал средний жуз, — таинственно начала она, будто сказку рассказывала. — Покоя не было казахам от набегов калмыков, монгол и джунгар. Угоняли скот, людей обращали в рабство. Во время одного из набегов казахскому хану со своими батырами удалось одержать победу над войском калмыков. В плен, кроме богатых трофеев, попала красавица калмычка. Всё войско его будто с ума посходило. Каждый джигит мечтал взять её в жены, но она ни за кого не хотела идти. Тогда, чтобы прекратить распри между воинами, хан приказал ей самой выбрать достойного батыра. Калмычка взобралась на ту скалу, что напротив нас, и сказала воинам: чья стрела долетит до вершины, тот и будет обладать её сердцем. Ни одна стрела так и не долетела до цели. Красавица знала, что хан не простит её за эту хитрость, и, чтобы остаться свободной, бросилась с вершины в озеро. Как раз на месте её гибели и появился этот сфинкс, — Аня многозначительно замолчала.

— Откуда ты это всё знаешь, все эти байки? — Сергей развернул её к себе лицом.

— Секрет! — вкрадчиво прошептала Аня, кокетливо прищурился глаза. — А сейчас нам пора в санаторий, — внезапно скороговоркой выпалила она, — не хочу получить нагоняя от своего тренера. Когда он узнал, что заселяются пловцы, то взял от дверей ключи и ближе к полуночи будет проверять, все ли на месте.

Она улыбнулась и снова поцеловала Сергея.

Всю обратную дорогу они молчали, каждый думал о своём. Уже в санатории, в приглушённом свете коридора, чмокнув его в щёку, девушка сказала ему на ухо:

— И, между прочим, на старуху тот сфинкс похож только с восточной стороны. А если немного пройти по берегу, то на красавицу калмычку.

— И, между прочим, — шутя передразнил он её, — не свобода ей была нужна. Просто калмычка не хотела превращаться в дряхлую старуху.

На прощание Аня погрозила ему кулачком и пошла в свою комнату, а утром спортсменов развезли по своим тренировочным базам...

Дальше в памяти скорым поездом промолотили по рельсам времени десять лет, сбивчиво выстукивая рваный ритм беспокойных девяностых. Грянула перестройка, развал Союза... Новое время, новые условия ломали человека, как щепку. Дороги, километры, границы, города... Аэропорты, вокзалы, карты дорог перелётами, переездами разметили жизнь. Новые места, новые люди проходили стеной, как поток пассажиров по перрону, они совсем рядом — протяни лишь руку: «Привет, человек!», но он, даже случайно задев рукавом, лишь удивленно и опасно отпрянет от чужака и вольется в привычную массу знакомых лиц. Само время порой выживало из тесного пространства жизни близких людей, ставя перед человеком одну задачу — выжить.

И в один момент то, ради чего он, Сергей Батко, жил, рухнуло бесповоротно. Как-то после утомительного дня тренировок тренер, дрожащей ладонью потирая лысину и опуская глаза, смущенно выдавил:

— Всё, Серёга, у нас с тобой последние сборы в этом году. У казахской федерации нет денег и, наверное, уже не будет. Понимаешь, сейчас у всех такая ситуация, во всех видах спорта. Я с борцами говорил — у них то же самое. Перестройка, мать её! — ругнулся свозь зубы он. — С нас... С тебя снимают питание, — он виновато отвёл взгляд в сторону.

Сергей сразу толком и не понял. В бассейне было шумно — у кролистов всюду шли «прикидки» после изнурительных нагрузок —плыли на время «полтинник».

— Как, Геннадий Николаевич?! — почти прокричал Сергей.

— Вот так! — тренер досадливо махнул рукой.

— Всё прахом, все твои рекорды теперь до лампочки!

— А как же чемпионат? — только и смог выговорить ошарашенный этой новостью Сергей. Он ещё не верил в случившееся. — Вы же говорили...

— Что я говорил?! — сорвался на крик тренер, перекрывая шум стартов, но сразу осёкся: — Извини, ты здесь ни при чём, — он по-отечески обнял его за плечи. — Хочешь — оставайся у Кузьмича в бригаде с кролистами, — он кивнул на длинную сутулую фигуру в костюме с надписью «СССР» на спине. Кузьмич носился с секундомером вдоль бортика бассейна, подгонял плывущего по дорожке Мишку — Серёгина друга. — Кузьмич не против — я говорил с ним о тебе... Конечно, до тех пор, пока их не вызовут в Москву. Мишка отобрался в сборную СССР, а вот нам с тобой чутка не хватило, — он наконец обречённо взглянул на Сергея в глаза. — Мне семью кормить надо, понимаешь?... — его голос дрогнул.

Лишь теперь Батько осознал всю серьёзность ситуации. Всё, к чему он стремился всю жизнь, оказалось вдруг растёртым об асфальт, как плевок. Что же теперь делать?! С чем он остался? Без профессии, с образованием — десять классов, без надежды на спортивное будущее... Сергей оторопело стоял у бортика бассейна, рассеянно глядя на солнечные блики, озорно прыгающие по прозрачным голубоватым волнам, набегавшим и гаснувшим в хитросплетениях пластика поплавок плавательной дорожки. Все его планы, надежды вдруг в одночасье лопнули, разбились о череду обстоятельств, перед которыми он оказался бессилён. Воспитанный в спорте полностью отдавать себя для достижения поставленной цели, он осознавал: что бы он сейчас ни предпринял — изменить ситуацию ему не удастся. Обстоятельства сковывали по рукам и ногам — теперь сама жизнь другая, такая, которую он не знал.

— Ничего, Серёга, прорвёмся, — тренер потряс его за плечо и вывел из оцепенения.

Он подмигнул:

— Я тут вышел на канал один — кассеты, винилы, видео... На вот на память, мастер, — он протянул небольшой бумажный конверт с пластинкой. На его лицевой стороне, на ленте из фотокадров гримасничала четвёрка молодых людей. Сергей безразлично посмотрел на винил, поначалу даже не узнал своих кумиров. — Я знаю: твой любимый битловский альбом — «Вечер трудного дня».

Тренер ещё раз похлопал его по плечу и ушёл в тренерскую.

В бассейне Батько больше не появлялся. Попробовал торговать на рынке. Со временем он тоже «вышел на канал один» — то были итальянские кухонные комбайны. Составляющие комбайнов шли по бартеру на КМК (Карагандинский металлургический комбинат), там в одном неприметном здании они обретали форму мечты всех хозяек — упаковывались в цветастые коробки с магической надписью «Made in Italy». Часть их уходила «налево» и таким образом попадала к Сергею. К тому времени методом проб и ошибок он уже понял, что не всё и не везде можно продать. Это в совдепе с тотальным дефицитом на полках по всякому поводу стояли очереди. Рынок начала девяностых — дело стихийное. И, как во всяком рисковом деле, без чутья и определённой доли везения в нём не обойтись. И того, и другого у Сергея было поровну и всегда чего-то не доставало. Но потом вроде «попёрло» — кухонные комбайны были в цене. Накопив солидную сумму денег, он привёз приличную партию из тридцати штук в Алма-Ату.

Центральный рынок в городе «Яблоко» — растревоженный пчелиный улей. Какого добра там только не было! Кого за прилавком только не встретишь! Толпы людей, взбудораженных лихорадкой, именуемой «купля-продажа», снуют от блестящих иномарок к скотному двору с притихшими, сбившимися в испуганную стайку агнцами, затем — к коврам на любой вкус, полкам с книгами, радиотоварами, видеоаппаратурой, наконец — к турецким шмоткам. Бредёт гуськом растерянный народ между рядами невиданного, недоступного раньше изобилия.

Сверху, соревнуясь в громкости, из динамиков льются на головы оглушённого малахольного люда хит-парады попсы, шансона, иногда разбавляет эту истерию звука напевная домбра, совсем редко, как диковина, звучит классика. Отовсюду — разноязычный гомон. Китайцы, чеченцы, русские, казахи, азербайджанцы, корейцы, уйгуры, цыгане... В этой клокочущей страстями массе людей между маститыми торгашами, покупателями и просто зеваками снуют карманники, продавцы мумиё, чебуреков, гербалайфа, порножурналов, баллончиков со слезоточивым газом и ещё бог весть чего.

Сергей давно изучил рынок. Знал, по каким правилам здесь живут. Исправно платил администрации рынка за место, бандитам — за то, чтобы не лишиться своего товара. Одному не выстоять, а жаловаться было некому. Менты, как Моцарт или Чайковский из динамиков, появлялись здесь крайне редко. Видимо, чтобы тоже не раздражать граждан. Да и вообще, бесполезное это дело — менты же и «крышевали» бандитов.

В один из привычных базарных дней, как обычно работая на точке, Сергей услышал:

— Серёга, салам! — по ту сторону прилавка щерилась золотом зубов краснощёкая рожа со сломанными ушами и перебитым носом.

— Салам-попалам, Нурлан, — Сергей натянуто улыбнулся казаху, пожал небрежно сунутую руку.

— Какими судьбами, братишке? — играя мышцами под тесной футболкой, тот уселся на прилавок, бесцеремонно сдвинув соседский товар с видеоаппаратурой. — Падвинся, э! — начальственно бросил он корейцу — хозяину товара.

— Слушай, ни один собака на рынок нет. Ты, Серёга, к корейцам не ходи, у казахов шашлык-машлык кушай, — говорил он громко, словно стараясь задеть своими словами корейца — продавца видео. — Казах шашлык из настоящий баранина делает, — он с издёвкой посмотрел на корейца, — собак не едим.

Кореец и на это промолчал.

Нурлан ещё с полминуты цеплялся раскосыми глазами за соседа с видиками, потом презрительно хмыкнул и развернулся к Сергею:

— Твой комбайн?

Сергей кивнул. Он и раньше видел на рынке своих давних знакомых по службе в СКА. Обходил их стороной — знал, чем теперь занимаются. Слышал, что держат рынок бывшие борцы, а бригадиром у них — небезызвестный в криминальном мире Касым.

— Э, Андрей, помнишь Серёгу Батько? — Нурлан обратился к качку, внезапно появившемуся у прилавка как из-под земли.

Тот, ловко перебирая пальцами, отсчитывал деньги, только что полученные от корейца.

— Конечно, помню, — не поднимая глаз от разноцветных купюр, хмуро отозвался качок. — Он ещё Ербола отметелил в казарме — не хотел стирать его ПШ⁹. Тьфу, сбился! Не отвлекай меня!

— У тебя хорош удар, Серёга! — Нурлан по-приятельски обнял его за плечи. — Хорош быть барыга. Э, семешек дай, пожалуйста, — он ухватил за рукав проходившего мимо паренька-казаха с кульками подсолнечника, грубо притянул его к себе, выхватил кулёк из лотка.

— Ракмет, братка, чо стаишь? Иди работай, — расплылся он в наглой улыбке, давая понять, что денег продавцу не видать.

— Иди к нам, к братве, в бригаду, — сплёвывая кожуру прямо на прилавок, доверительно говорил Нурлан Сергею. — Эти мамбеты совсем обнаглел. Вчера к наш ларёк один подошёл. Говорит продавцу: «Мен — рекет, денег давай!» Хорошо, мы рядом был, — он потер ладонью бритый затылок. — «Откуда ты, братишке? — спрашиваю. — С какого аула? Где ишак твой спрятал?» — Сальная морда покраснелась, покрылась капельками пота. — Говорю ему: «Рекет — плохо, мен — судья Дредд наказывать тебе буду!» Поссорились мы с ним. — Как доказательство этому он сунул в лицо Сергею сбитый кулак.

— Э, «Судья Дредд» видео-шмидио сматрел? — он повернулся к корейцу. Тот изо всех сил делал вид, что не услышал вопрос, было лишь заметно, как на его вспыхнувшем румянцем лице заходили желваки.

— Секес есть? — бандит, выхватив из стопки видеокассету, покрутил её в руках и небрежно шмякнул на прилавок.

Кореец хранил молчание.

— Э, — досадливо махнул рукой Нурлан, — не понимает русский — индеец, наверно, Гойко Митич, — он довольно заржал.

Казах приобнял Сергея за плечи:

— Мы из тебе, Серёга, человек сделаем! У нас бригадир Касым — слышал?! — не без гордости заявил Нурлан. — Айда к нам в бригаду! — он хлопнул его по плечу.

— Слышал, — сдавленно отозвался Сергей, — такое слово хорошее испоганено — «бригада», — как бы между прочим сказал он.

Борец замолчал, смерил Сергея взглядом, потом стопку из комбайнов, словно что-то прикидывая в уме.

— Умный, да? — Нурлан прыгнул с прилавка, отряхнул спортивные штаны.

— Андрюха, сколько у нас умные платят?

⁹ ПШ — это полушерстяная форменная одежда военных.

— Двойную ставку, гы-гы-гы, — довольно отозвался Андрюха и заржал.

— Камбайн хорошо идёт — отобьёшь пока тенге. Я тебе предложил к нам, Серёга. Время ещё есть, потом поздно будет, — он глянул на наручные часы с усыпанным блестяшками золотистым корпусом, театрально покачал головой, зацокал языком, недобро глянул на Сергея. — Не-а, не успеешь, — и пошёл дальше вдоль прилавок.

— Как договаривались, двойная такса! — на Сергея выжидающе уставилась рожа Андрея со свинными недобрыми глазками и сломанным носом. Пришлось отсчитать двойную таксу.

После их разговора с Нурланом прошло полчасика. Комбайны действительно шли неплохо, и всё же Сергей подумывал свернуть торговлю — бандиты просто так словами не разбрасываются. С другой стороны, жаль деньги, что уплатил, и потом торчать в Алма-Ате почти неделю, до следующего базарного дня, не было резона — у него была договорённость на следующую партию комбайнов, не хотел потерять с таким трудом приобретённые связи.

У Сергея на душе было тревожно — дурные предчувствия, неприятно ныло в груди, но он гнал эти мысли подальше. Потому не придал значения нескольким глухим выбухам, прозвучавшим где-то в северной части рынка, которые сразу поглотил шум базара, будто и не было их вовсе. В следующие минуты всё изменилось. Сергей не сразу разобрал, что за шум доносится издали. Приближаясь, гул стремительно нарастал. Словно выпущенный в кегельбане шар, катил на него страх, сметая всё на своём пути волной всепоглощающего животного ужаса. В этом наполненном хаосом жутком форте были различимы вопли женщин, стоны раненых, крики о помощи, скрежет металла, беспощадный, слепой топот тысяч ног. На Сергея неслась огромная толпа с обезумевшими, потерявшими человеческий облик лицами. Всё происходило как в замедленном кино. Мимо него уже мелькали первые «ласточки» погрома. Бросив товар, бежали продавцы с соседнего ряда. Высоко задрав одной рукой юбку, обнажив белые целлюлитные ляжки, с воплем пронеслась смертельным болидом толстая баба. В другой руке она волокла весомых размеров баул. По-спортивному, с отягощением, с удивительной для её комплекции лёг-

костью она брала один барьер за другим. Вот, вскакивая на прилавок, она зацепилась сумкой за стойку, рухнула на асфальт и, кинув изорванный баул с вываливающимися из зияющей дыры джинсами, помчалась дальше. Пребывая в каком-то ступоре, Батько наблюдал, как на него надвигается серая человеческая масса. Кто-то толкнул его, перепрыгивая прилавок. Сергей будто пришёл в себя. Невидимая звериная лапа страха, дотянувшись, больно стиснула сердце, стихли все чувства, помыслы, его опустевшее нутро наполнилось безотчётным, ослепляющим страхом. Позабыв обо всём на свете, Сергей несся бок о бок с другими людьми, охваченными, как и он, паникой. Подгоняя толпу вперёд, гудело человеческое стадо, дыша в спину. Кажется, Сергей тоже что-то кричал...

Как только милиция сняла оцепление с места происшествия, пришедшие в себя люди кинулись к своим лоткам. Сергей шёл мимо всхлипывающих женщин, плачущих детей, потрёпанных мужчин. Кое-где были видны следы крови, повсюду валялся опрокинутый товар. Продавцы, вернувшиеся к своим местам, спасали оставшиеся пожитки после погрома. Скулила толстая баба, ползая под прилавком в поисках своих джинсов.

Когда волна паники стихла, выяснилось, что в северной части рынка кто-то перекинул через забор на территорию шумовые гранаты. Потом, когда схлынул со своих мест перепуганный народ, менты выставили оцепление. А дальше до банального просто: бандиты прошлись по опустевшим лоткам, собрали самый ценный товар.

Сергей стоял возле своего разоренного торгового места. Рядом прямо в пыли, в изодранной футболке сидел кореец, его сосед. Он закрывал лицо руками. Его худые плечи мелко тряслись.

Этот случай надолго отбил у Сергея желание торговать, но делать было нечего — нужно было как-то зарабатывать на жизнь, и он снова начал с нуля: жвачки, сухие напитки «Юпи», зубная паста...

Позже он скооперировался с ребятами-пловцами, как и он, оставшимися не у дел. На долевого основе закупали в Москве или Питере масло, нанимали фуру, и Сергей сопровождал товар в Алма-Ату. И снова дорога, гаишники с протянутой рукой, записки-маявы, которыми снабжали его братки после платы за проезд для своих

дружков-бандитов, что стерегли трассу. Таможня, снова взятки, теперь уже на казахской стороне. Однажды Сергей едва не замёрз в степи — лютая зима выпала, заглохла машина посреди белой казахской степи. В другой раз их фура еле ушла из-под обстрела бандитов... Насмотрелся он тогда в эти годы, узнал, почём фунт лиха.

С Аней все эти годы встречались редко, урывками, в промежутках между поездками за товаром. Пригнав как-то из Москвы очередную фуру с «Воймиксом», Сергей сразу заметил — что-то не так. Аня все время оказывалась загруженной «неотложными делами», куда-то вечно спешила, с кем-то встречалась, домой возвращалась поздно, неохотно говорила по телефону и, как могла, долго оттягивала их встречу. Но стоило позвать ее в Тянь-шаньские горы, на Хан-Тенгри, так сразу согласилась, узнав, что Димка Семёнов тоже едет на пару дней. Друзья собирались обмыть новенький, только что пригнанный из Шаржи Димкин «Крузер» — отец-фирмач старался сыну ни в чем не отказывать. Димка был счастлив, к тому же уже всерьез подумывал о переезде на ПМЖ в Германию.

— Я так давно не была на Хан-Тенгри! — сказала тогда Аня даже как будто с радостью.

Согретый надеждой, что между ними всё налаживается, Сергей паковал рюкзак.

Под утро с искрящейся вечным льдом пирамидальной вершины Хан-Тенгри беспощадное солнце теснило к подножию Небесных гор Тянь-Шаня клубы тумана. Он стекал молочной кисеей в зелёную долину с раскиданными по ней зелёными тряпицами озёр.

«Мы живём на облаке!» — прокричала Аня, высунувшись из палатки. Распустив густые иссиня-чёрные волосы, вскинув руки к небу, должно быть, как и тысячу лет назад её тюркские предки, вприпрыжку, будто вольная кобылица, она побежала в морось тумана на шум горной реки — умываться.

Ближе к полудню туман рассеялся. В долине, радуясь солнечному дню, искрились голубовато-зелёным донным светом глазницы озёр. Когда вся компания наконец за завтраком собралась у костра, Аня протянула Димке плоску с овсяной кашей. Наигранно уставившись на сверкающий опаловым блеском пик, с дурашливым пафосом она нараспев произнесла:

— О, Тенгри, верховное божество верхней зоны мира, устроитель мира вместе с богиней Умай и Эрликом! Представители судеб людей, распределители срока жизни, примите этот дар от недостойных! — И ложка овсянки шлепнулась в костёр.

Аня, довольная собой, звонко рассмеялась, озорно поглядывая на Сергея. Её тёмно-зеленые глаза кокетливо вспыхивали светом радости, и, как ему показалось, любовью, будто и не было между ними той прохладной недосказанности.

Ближе к вечеру Сергей наконец набрался храбрости. Димка уже ушел спать в палатку. Темное небо бархатным покровом опустилось на Хан-Тенгри. Аня и Сергей лежали у костра и смотрели, как искры взлетали в небо и, на мгновение застыв, таяли среди звёзд, огромных и ярких — таких на равнине не увидишь. Шепотом, словно эти подглядывающие за ними звёзды могли подслушать, стараясь скрыть легкое волнение, Сергей спросил у девушки:

— Ты выйдешь за меня?

Аня промолчала, будто не услышала вопрос. Потом она приподнялась на предплечье, как-то наигранно закинула голову набок, тряхнув копной волос, и начала:

— Знаешь, мне кажется, что если долго вглядываться в одну точку на небе, можно увидеть стратосферу, — её голос был печальным и таинственным, будто она собралась рассказывать очередную легенду.

Сергей закрыл лицо ладонями, будто прикрываясь от света пламени костра.

— Ты не ответила мне, — резко на выдохе вырвалось у него.

— Я не отвечу! — выпалила Аня, вскочила и, подхватив с земли войлочную подстилку, на которой лежала, побежала в палатку.

Сергею показалось, что это небо вместе со звездами удушливым ватным одеялом накрыло его, придавив к земле. Ему стало тяжело дышать, его всего потряхивало в такт биению сердца. Он чувствовал себя одним большим сердцем, которое только что оказалось ненужным. В голове было пусто, он не мог ни думать, ни уснуть. Неподвижно пролежав всю ночь у костра на скале, Сергей так и не сомкнул глаз, он слушал стук своего сердца, иногда ему казалось, что до него доносится шум реки и чей-то тихий плач — то ли человека, то ли ночного зверя.

Утром начался затяжной мелкий дождь, ребята по-быстрому собрались и уехали в город. Замутнённые райки озёр слезливым взглядом смотрели им вслед, будто провожали навсегда.

Скоро Сергей узнал, что Аня вышла замуж за его друга Димку Семёнова. Ему казалось, что он хорошо знал Аню и почему-то у него была уверенность, что она его любит. А может, все-таки нет?.. Десять лет встреч и разлук, десять лет попыток встать на ноги ради их будущего стали ничем, будто кто-то скомкал отрезок жизни Сергея, закатав его в маленький бумажный шарик, и швырнул в мусорницу. Больше его уже ничто не держало в Республике Казахстан...

3

В вагоне было по-прежнему душно. Проводник в голубой форменной рубашке, плотно облегающей солидных размеров живот, синих спортивных тапочках на босу ногу внимательно, как гаишник, проверяющий документы нерадивого водителя, вчитывался в проездной билет. Иногда он вскидывал голову, подозрительно изучая лисьими глазами лицо пассажира, будто сличал фотографию на паспорте с оригиналом. Наконец чуть разочарованно вздохнул, надорвал край, свернул билет до размеров маленького прямоугольника, раскрыл брезентовый планшет и сунул в кармашек с номером места в вагоне. Проводник поднялся с диванчика, по-хозяйски на всякий случай огляделся в купе.

— К вам ещё один сосед будет, — сказал он и высунул круглое скуластое лицо в проход вагона. Там, переминаясь с ноги на ногу, стояла группа молодых парней — казахов.

— Э, иди сюда! — подозвал проводник одного из кучки джигитов. — Нет, не ты! Сказал, падай-ди ка мне! Что, ни бельмеса ни понимаешь? Я тебе по-русски говорю. Да, ты!

Выглядело это комично, так как говорил он с акцентом, ломая звуки. К нему подошёл высокий худощавый казах с кривоватыми, по-кавалеристски выгнутыми ногами.

— Вон место, — проводник указал на свободную от багажа третью полку.

— Почему на третий полка? Я полный билет платил! — парень с возмущением кивнул на оттопыренный карман рубашки проводника.

— Э, молодой ещё указывать тут! — проводник

недобрым взглядом смерил джигита. — Вон сухой, как сайгак, — допрыгнешь!

— *Мейлі осы орыс уш сореге деген барады, ал мен — онын жеріне жатамын*¹⁰, — понизив голос, сменил тактику длинный, одними глазами указав на Сергея.

— *Бас онын билет дейін Мэскеудін*¹¹, — в тон ему ответил проводник.

— *Не ана? Ол казір біздің жерімізде! Мен тағы тенгені алып беремін*¹², — настаивал парень.

Майор, видимо, уловив суть разговора, скинул туфли, юркнул к себе на полку и, накрывшись простыней, повернулся к стенке. Неизвестно, чем бы закончились для Сергея эти переговоры, если бы не вмешалась апа.

— *Кім сені — қасқыр асыралды? Қайда сенін қонақжайлылығынның? Қайда сенін бетіннің? Базарда сатты, шайтан*¹³ — пожилая женщина говорила горячо, в ее голосе звучали гневные нотки, словно в такт словам она постукивала маленьким сухоньким кулачком по столу.

От этих слов молодой казах ссутулился, как-то даже наклонился, став похожим на согнутый под ударом молотка в бетонную стену гвоздь. Без разговоров он полез на указанную ему полку под самой крышей вагона.

— *Кейін*¹⁴ поговорим, — шепнул ему в спину проводник.

Когда тот собрался было уже выйти из купе, апа окликнула:

— *Я знаю тебя. Ты Кадыр, сын Султанбека из Аксая. Сен гой из кіші жуза? Рудан — Кетеден*¹⁵

Проводник вздрогнул, обернулся и вцепился глазами в старушку.

— *Бас сенін абадан отбасы. Как экенін денсаулығынның? Как инженердін Барсукованын денсаулығы? Ол мэртебелі қонақпен сон достарханом сенін апалы-сінліліннің тойында Гузель болды. Оны ұмытпайсың? Ал Курмановых ұмытпайсың*¹⁶ —

¹⁰ Пусть этот русский идёт на третью полку, а я на его место лягу.

¹¹ У него билет до Москвы.

¹² Что с того? Он сейчас на нашей земле! Я дам ещё тенге.

¹³ Кто тебя воспитывал? Волчица? Где твоё гостеприимство? Где твоя совесть? На рынке продал, шайтан!

¹⁴ Потом поговорим.

¹⁵ Ты ведь из младшего жуза? Из рода Кете?

¹⁶ У тебя уважаемая семья. Как здоровье отца? Как здоровье инженера Барсукова? Он был почётным гостем за достарханом на свадьбе твоей сестры Гузель. Помнишь его? А Курмановых помнишь?

сказала женщина властно, даже чуть высокомерно, как говорит старший чин с младшим, её скуластое лицо при этом стало жёстким, как высохший в степи саксаул.

— Все живы, все здоровы, слава аллаху, — физиономия проводника светилась *баурсаком*¹⁷, смазанным мёдом, как для застолья на весенний праздник Рамадан. — *Мен сендерге шайды жкелемін, абадан*¹⁸. Индийский — «Три слона».

— Матрас принеси! — недовольно донеслось с третьей полки.

— Э, лежи там! Позвоночник крепляй. Программа «Здоровье» смотришь? А то оштрафую как безбилетника, — он хихикнул, довольный своей шуткой.

— Всё харашо, спи на свой полка, я из старшего жуза¹⁹, — с особой уверенностью и даже гордостью в голосе сказала женщина ничего не понявшему из разговора Сергею. — Что этот Перестройка думает? Какой люди стал! — она зацокала языком. — Скоря молодёжь совсем уважать не будет стариков. Все уезжают Казахстан: русский, чечен, немец... Что, степь стала короче? — она повысила голос, сердито глянув на третью полку. — Раньше гордились знакомствам русским, теперь... — апа с досадой махнула худенькой ладонью и, блеснув глазами, виновато улыбнулась Сергею: — Айда, ешь давай.

Чай «заботливый» проводник принёс всем, включая Сергея. После «Трёх слонов» стало ещё жарче. Сергей вышел в тамбур глотнуть свежего воздуха. По счастью, там не было накурено. Он встал у двери. Сквозь грязные разводы на стекле он смотрел на нерадостный пейзаж размытых весенним половодьем дорог, заброшенных скотников с выбитыми окнами. Сергей Батько уезжал в Россию, в Карелию. Уезжал навсегда.

«Тудух-тудух» отстукивали колёса вагона, пролетали мимо столбы электропередач. Станция осталась далеко позади. За окном теперь расстилалась жёлто-зелёным ковром бескрайняя степь. Цвел ковыль, кое-где под лучами жаркого майского солнца вспыхивали сопки алым пламенем маков. Иногда вдоль дороги виднелись полуразрушенные мазанки с двумя-тремя верблюдами на привязи, безучастно взирающими вокруг, или вдруг пролетит на своём скакуне джигит в малахае, поднимет коня на дыбы, махнёт на прощанье поезду *камчай*²⁰ и снова растворится в степи.

Странное чувство давно мешало Сергею жить спокойно. Вокруг вроде всё своё — родное, к чему прирос и прикипел всей душой, а он здесь — чужак. Вот живешь тут, дышишь этим воздухом, ходишь по земле, а всё будто не для тебя, будто авансом дали. Чувствуешь себя эмигрантом на земле, где родился, вырос. К чему эта независимость, от кого, когда все в Россию на заработок едут, чтобы хоть как-нибудь прокормиться? Сергею припомнилось, с какой гордостью апа сказала про принадлежность старшему жузу. Доходные рабочие места поделили между собой вот такие вот жузы — родовой блат, взятки. Так просто работу не найти. К чёрту эти жузы!

Мимо стремительно пролетала казахская степь, а в голове одна за другой проскальзывали картинки из теперь уже прошлого, будто кто-то поставил видеокассету на перемотку. Заводы стоят — только что не в руинах. Начало девяностых, периферийные казахстанские городки — без света, воды, газа, жители варят пищу на кострах во дворах многоэтажек. Перелетные птицы — «сникерсы», рейсами «Москва — Алма-Ата» летят в спортивных сумках, полная сумка «чудо-батончиков» — гарант того, что окупится вся поездка вместе с билетами на самолет. Родители — их переезд в Украину. Продажа квартиры родителей — казахи-покупатели угрожали расправой и заставили продать им всё задарма. У Сергея там нет ничего — только славянское лицо как отметина чужака.

Под вагоном что-то громко щелкнуло, заскрежетало, залязгало. Стоп! Плёнка кончилась. Он едет к своим. Сергей улыбнулся этой мысли. На душе стало легко и спокойно. Прощай, прошлое. Прощай, степь. Прощай, Казахстан. Прощай, Аня.

4

Карелия приветствовала хмурым небом и мелким дождичком. Вроде и не уставший от долгих переездов, Сергей Батько легко соскочил с подножки поезда «Москва — Петрозав-

17 Баурсак — традиционное блюдо кочевников, типа пончиков.

18 Я вам чай принесу, уважаемая.

19 Жуз — исторически сложившееся объединение казахов.

20 Камча — плеть.

водск» и, подхватив спортивную сумку, направился к выходу в город. Маленький типовой вокзал, «сталинские» пятиэтажки, замыкающие небольшую привокзальную площадь, одним словом, провинциальный городок — никак не столица республики. Не сравнить с хорошо знакомыми Сергею Минском, Тбилиси, Ташкентом или той же Алма-Атой.

Пока мотался по СНГ с забитыми товаром фурами, Батько впервые занесло в эти места, задружился с одним фирмачом из Карелии, который занимался лесом — Олегом Вениаминовичем. Как водится, застолья, откровения под водочку... Тот вроде и к себе работать Сергея позвал, обещал взять. Так что с вокзала он прямиком поехал в офис Олега Вениаминовича устраиваться. Тот не обманул — принял. Сергей и работал, и жил там первые дни, пока не снял квартиру недалеко от офиса. Впрочем, ему казалось, что в Петрозаводске всё рядом. Это в мегаполисе от задворков к центру города надо добираться часами, а здесь за меньшее время можно исколесить город вдоль и поперёк.

Северная земля приняла Сергея, как ласковая мачеха: вроде и сердечно обняла, но не приглубила. Он всего месяц как обосновался на новом месте и, понятное дело, пока не привык — не сроднился с ней, не прикипел всей душой. Теплый июнь в Петрозаводске нежил легким ветерком от озера, щекотал глаза солнечными зайчиками от витрин магазинов. Белые ночи манили на длинную набережную — зывали умиротворенно, без спешки пройти из одного конца в другой мимо чудных скульптур, веселых компаний, встретить огнем полыхающий закат, перегладиться с улыбочивыми девчонками, прогуливающимися парочками, помечтать о будущем, глядя на отблескивающие сталью темные, холодные воды загадочного Онего. Полюбил Сергей бывать у фонтана напротив здания университета — послушать брэнчание гитар неугомных студентов, заразительный девичий смех, порадоваться вместе с ними солнечным дням, молодости или белым ночам, что прибавляют влюбленным светлое время суток. Всё вроде и хорошо, и правильно, жить хочется: каждый день, затерявшись в толпе сосредоточенных на своих делах петрозаводчан, спешить по широкому проспекту домой, в выходные — неторопливо отмерять шагами каменные плиты набережной

и обязательно загадывать одно желание на ухо волшебному дереву. Вот только корня своего Сергей Батько здесь еще не чувствовал: не было у него тут своего дома, не было своих «петрозаводских» дел, кроме работы, не было тут близких. Он смотрел на июньский, почти уже расслабленно-отпускной город глазами беззаботного курортника, который готов радоваться всему, что для него в новинку.

Удивительное дело — ощущение своей сопричастности. Можно ходить по городу одними улицами с горожанами, дышать одним воздухом с ними, встречаться глазами, придерживать для кого-то дверь или пропускать вперед в автобусе и даже уловить едва слышное «спасибо» в благодарность, но не быть причастным к их привычному ежедневному быту. Вроде как железнодорожные составы: мелькнули ночью мимо друг друга, сверкнув огнями хвостовых сигнальных фонарей на последних вагонах, и канули в непроглядную темень.

В Казахстане, на казахской земле Сергей не был казахом. Когда в день своего совершеннолетия он получал паспорт, в графе «национальность» он указал «украинец». Написал он это скорее в память о своих предках — выходцах из казачьей Украины. Родители его — украинцы, родились там, но разговаривали только на русском, а жили в Казахстане. А Сергей не чувствовал себя никем: ни казахом, ни украинцем, да и не жил он в Украине. Как-то после очередной изматывающей тренировки в бассейне он спросил у друга Женьки, кем он себя считает. «Дурацкий вопрос! Конечно, русским! А родина моя — Казахстан», — не задумываясь, ответил тогда Женька. Иногда Батько казалось, что его национальность — «человек Советского Союза», вроде как «родства не помнящий», но волею судьбы приписанный к азиатскому куску земли почти в три миллиона квадратных километров площадью по соседству с Китаем.

На новом месте, в Карелии, Сергею хотелось если уж не переродиться в кровного карела, то хотя бы стать частью жизни маленького города на берегу озера, прирасти к этой северной земле, как случайно занесенное ветром семя пускает корни в чужих краях.

На непривычно низком небе над привокзальным шпилем с большими круглыми часами ярко

светило скупое на тепло северное солнце. Сергей, уместившись на сиденье возле окна, ехал в переполненном людьми троллейбусе. В салоне было душно и не в пример восточному многоголосью — тихо. Бросая нетерпеливые взгляды в прохладу улицы за окном, в ожидании своей остановки люди жались друг к другу горячими телами — расплата за час пик. Слышались клацанье электронного реле в кабине водителя, вой двигателя да рассерженный треск «усов» — штанг токоприёмников, скользящих по электропроводам. Шпиль вокзала в окне троллейбуса напомнил Батько о первых впечатлениях, когда месяц назад вместе с другими приезжими он вышел из вагона на петрозаводский перрон. Протиснувшись меж разомлелого люда, Сергей выскочил на остановке и побежал через пешеходный переход, чтобы сделать пересадку, — ему повезло — впрыгнул в полупустую маршрутку.

Нырнув под мост, «газель» выехала на его улицу — Чапаева. Отрешенно улыбаясь, Сергей погладил шероховатую поверхность объёмной пластиковой папки, лежащей на коленях. Раскрыл, глянул содержимое, ещё раз проверяя, всё ли на месте. В папке хранилась солидная стопка документов — всё, что понадобится в его первой командировке: декларации, поручочный билет, договоры, накладные, доверенность. И хотя ехать надо было завтра, Сергей решил взять документы домой, чтобы ещё раз хорошенько изучить. Он закрыл папку.

За окном проплывали неприметные дома, проезжали блестящие иномарки, неказистые «Жигули», машины всех мастей. Не замечая друг друга, торопливо шагали по-летнему раздетые пешеходы — сарафаны, шорты, футболки... На остановке толпилась шумная компашка: девчонки в мини, парни в шортах. В пакетах видны свёртки, бутылки с лимонадом, полотенца — наверное, на пляж едут. Сергей с завистью посмотрел на беззаботную толкотню молодых людей. Хорошо бы сейчас скинуть липкую одежду с разгорячённого усталого тела, окунуться в холодное, ещё не прогретое солнцем Онего! Он закрыл глаза, представил, как, должно быть, приятно в такую погоду — да разом в холодную волну. Сергей обречённо вздохнул, отгоняя мысли об отдыхе. Хватит с него пока и холодного душа. Сунув папку под мышку, он стал готовиться к выходу. Командировка — дело ответственное. Кого ни попа-

дя не пошлют. Он снова довольно улыбнулся своим мыслям. Значит ли это, что Олег Вениаминович доверяет ему, уверен в Серёгиных деловых качествах?.. В его положении мигранта это дорогого стоит. А уж он — будьте покойны — дело своё выполнит.

5

В «буханке» Василия Лукьяновича было душно, несмотря на открытые окна. В блестящем, выкрашенном в защитный цвет узике пахло новенькой обшивкой, на креслах кое-где ещё сохранился заводской целлофан. К тому же Сергей никак не мог отделаться от привкуса краски, пластика и клея во рту — в офисе Олега Вениаминовича только что закончили ремонт.

— Прыгай вперёд, — махнул Василий Лукьянович Сергею, показывая на кабину.

Несмотря на свой возраст, Лукьяныч был в отличной форме — подвижный, живой. Он лихо вскочил на водительское место, вставил ключ в замок зажигания — где-то под капотом машина заскрежетала стартером, вздрогнула и, урча, мелко задрожала.

— Ласточка! — Лукьяныч нежно провел ладонью по новенькой панели управления. — Даже обкатку ещё не прошла. Чуешь, как двигатель работает? Поёт!

Сергей участливо кивнул и даже, чтобы прикоснуться к «высокому», влед за Василием Лукьяновичем погладил разгорячённый на солнце пластик.

Познакомились они недавно. «Лукьяныч», — коротко представился тогда коренастый мужчина, тряхнул седой головой на короткой шее и, будто тисками, сдал руку Сергея. Лукьяныч работал в «ООО» Олега Вениаминовича давно, чуть ли не с самого его основания — уже восемь лет. Приезжал он из посёлка в город за новыми цепями и шинами для бензопил, а теперь с оказией вёз Сергея на место его первой командировки.

— Как только устроишься на месте — проверь штабеля с пиловочником. По-хорошему — их бы точкануть надо. Посчитать, значит. Там, на месте, думаю, разберёшься, — он оценивающе глянул на Батько. — Может, с местными договоришься, с леспромхозовскими. Сообразишь, — деловито подытожил он.

Помолчали.

— Олег Вениаминович говорит, ты раньше в лесу не был? — вновь подал голос Лукьяныч.

— В таком, как тут у вас, нет. В Казахстане другой лес. Кстати, там тоже, как в Карелии, есть своё Боровое — мы в спортивном лагере летом были. Вот там — лес. А здесь — тайга.

Лукьяныч ещё раз посмотрел на спутника, но не ответил. Они уже выехали из города и колесили по бетонке. За окном без конца древние золотоствольные сосны тянулись макушками в небо, иногда мимо пронеслись однообразные деревеньки, отмеченные замершими на пьедесталах пушками да танками — следами давно прошедшей войны. В лучах полуденного солнца поблескивали платиной порожистые речушки с шиверами, перекатами да осерёдками.

Всю дорогу из Петрозаводска Василий Лукьяныч, как обычно бывает в компании малознакомых людей, развлекал себя сам — рассказывал попутчику о своей жизни. Родители его, оказывается, приехали в Карелию из Белоруссии ещё до войны. Его отец Лукьян Устинович поставил дом в Муезерском, устроился вальщиком в леспромхоз. В этом доме и родился у них с Марьей Петровной первенец — Василий. С фронта отец не вернулся. Что и осталось в памяти об отце — как у многих в то время: запах пота от гимнастёрки, тёплые, грубоватые от мозолей руки, похоронка да орден Славы в маленькой материнной шкатулке с облупленным от времени лаком. Про войну Лукьяныч Сергею говорил мало. Сказал лишь, как финны пришли, погнали их с мамкой в концлагерь в Петрозаводск, рядом с теперешним автовокзалом и сидели они. Потом, заметно повеселев, Лукьяныч заливисто и с огоньком балаболит, как студентом жил в Петрозаводске, как после университета вернулся в Муезерку да до главы леспромхоза поднялся. И всё бы хорошо — семья, детишки... Да перестройка танком проехала — леспромхоз развалился. Стал было Лукьяныч с сыновьями хлеб печь на продажу, но потом и это дело пришлось закрыть — хуже бандитов государство родное оказалось со своими поборами. Вот так и случилось работать в фирме Олега Вениаминовича.

Места эти лесные ему с детства знакомы — где пиловочник в два обхвата, сухостой или баланс, какого года посадки и где делянки в первую очередь брать надо, но — главное — связи преж-

ние остались — уважали его в местной районной администрации. Знался и с директорами разного пошиба, военные техникой выручали, лесники больше положенного леса под спил давали, и в мэрии Петрозаводска Лукьяныч помнили — всюду было доверие к его пухлым конвертам. Благодаря ему не один куб ценной промысловой породы карельской берёзы фирма вывезла... Вот и Олег Вениаминович, хоть и фирмач, а с ним на «вы» разговаривает, советуется. Ссуду дал на эту «буханку».

Ехать ещё было порядочно. Надо было разговор поддерживать. Сергею особо хвастать было нечем: ну, вырос в Казахстане, родился в Караганде, позже всем семейством перебрались в Алма-Ату, долго занимался спортом, с перестройкой пришлось челночить, как многим в ту пору. Когда в республике национальный вопрос обострился, родители перебрались на Украину, он вот сюда, в Карелию. А так, конечно, Серёга повидал, поездил, поколесил по стране вдоль и поперёк. И со сборной по плаванию, и с челноками, а потом возил из Питера в Алма-Ату импортное масло — «Воймикс» да «Раму», из Мурманска — сельдь... Так и выбрал Карелию — понравилось здесь. Приглянулись ему красотой своей эти озёра и тайга, взяли за душу да так и не отпустили. И люди здесь особенные: отличные от шумных южан — неспешные северяне, степенные в суждениях, хоть долго присматриваются к приезжим, зато, если примут за своего, лучше друзей не сыскать.

— Это ты верно подметил, — задумчиво ответил Лукьяныч.

До этого улыбочивый, он сделался серьёзным, нахмурился. Дорога стелилась на удивление ровная, машина шла спокойно, а вокруг стеной наступал таежный лес.

— Так-то оно так, да мест таких всё меньше остаётся. Сами ведь и вырубаем... — с грустью сокрушался Лукьяныч. — Финны, ты погляди, берегут свой лес, не дают под спил. От нас вывозят. А человеку что? Плати да забирай. Детям-то нашим что останется? — возмущенно повысил он голос, а потом поутих: — Да что я разошелся? Сам кругом виноват. Семью кормить надо — куда денешься? Вот вроде все грамотные в правительстве, на трибунах говорят, говорят — сплошная говорильня, а понятия не имеют, что в деревне творится, как умирает она, не видят или не хотят

видеть, — он тяжело вздохнул, кинул быстрый взгляд на Сергея, словно ища у него понимания.

— В Казахстане то же: куда ни глянь — разруха. От аулов мало что осталось. Молодёжь в город бежит: «мен — рекет!» — Сергею вспомнился случай на рынке.

— Вот-вот, — приободрился Лукьяныч, особо не вникая в восточный колорит. — Одним словом, ограниченные власти наши, и люди такими становятся. Зашоренными, значит. До власти нашей, народом выбранной, теперь не достучаться, чувствуют чиновники свою безнаказанность, а отсюда и ответственности никакой.

Машина свернула с трассы на просёлок, запылила по ухабам. Помолчали каждый о своём.

— И я хорош, — Лукьяныч досадливо махнул рукой, — туда же. Одно время барахтался — всё чего-то доказать хотел, до первого инфаркта и хватило меня... Эх, чего тут говорить — жить как-то надо! Вот и подстраиваешься! — оторвав левую руку от баранки, он показал плавный ход рыбьего хвоста: — Как говорится, рыба ищет — где поглубже, а человек — где получше.

Лукьяныч ещё долго рассказывал, как они с мужиками да бабами встречались с высоким начальством из Петрозаводска, нагрянувшим к ним в Муезерский с предвыборным визитом. Как говорили о произволе финнов, что в открытую воруют лес и вывозят, о забытых, поросших бурьяном колхозных и совхозных полях, о повсеместной безработице.

— Как жить-то дальше? — спрашиваем начальство. — Рабочих мест, — говорим, — дай бог на четверть от всего населения! Своим делом заняться — так если не воровать, то вылетишь в трубу! Что делать?! — Лукьяныч всё больше распалялся, говорил громко, резко. — Про чухонцев этот умник ничего не сказал, а вот про места рабочие посоветовал, но прежде задал вопрос: «Чем, — спрашивает, — раньше карелы занимались, ещё до Советской власти?» Наши возьми да и ответь ему: «Охотой жили, ягоды, грибы собирали». — «Вот и занимайтесь тем, чем ваши прадеды занимались!» Во как! — Лукьяныч выразительно поднял вверх указательный палец. — Не знаю, оно, может, здесь, в Карелии, и лучше жить, но, я думаю, людей везде всяких поровну встречается, — закончил он задумчиво.

Между тем новый узик темно-зелёным кирпичом пылил по дорогам Муезерского.

— Сейчас, Серёга, ко мне домой заедем — пообедаем, а там и до Борового чуток останется, к вечеру на месте будем, — отбросив нелегкие раздумья, Лукьяныч радовался скорому отдыху.

Нырнув между «хрущёвками», попутно обдав пылью местных звонкоголосых дворняг, узик остановился у подъезда трёхэтажного панельного дома.

— Проходи. Не стесняйся, — Лукьяныч легонько подтолкнул Батько из прихожей в направлении кухни, — мои все по делам разъехались. Присаживайся. Чай пить будем. У нас в Карелии много чаю пьют. — Он достал из холодильника большую тарелку. Сверху вместо крышки кверху дном лежала ещё одна.

— У нас, в Казахстане, тоже много пьют чаю, — Сергей был голоден и, не стесняясь, в предвкушении разглядывал угощение, а на столе появились помидоры, огурцы, зелень, с плиты на стол перекечевала сковорода с жаренной на сале, нарезанной шпалками картошкой. Она ещё не остыла, и её аромат дразнище щекотал его ноздри.

— Олюшка недавно обедала, — заключил Лукьяныч, приложив ладонь к чугуну сковороды, — греть или как?

Он открыл тарелку, достанную из холодильника, а там — продолговатые, умелой рукой вылепленные котлеты. Аккуратные, манящие, все — как одна! Сергей давно не ел домашних котлет. Впрочем, здесь, в Карелии, домашней едой он вообще не был избалован. На собственной шкуре, точнее на желудке, убедился, насколько был прав физиолог Павлов в своей теории условного рефлекса. В ответ на условный раздражитель, божественно пахнущую домашнюю котлету, рот его мгновенно наполнился слюной, а желудок с недовольным урчанием начал митинговать, требуя немедленного удовлетворения.

— Ну его! — вырвалось у Сергея, он и сам не заметил, как в его руке оказалась вилка. — Пока еще разогреется, — и виновато улыбнулся за свою нетерпеливость.

— Правильно! В нашем командировочном деле главное — шансовый инструмент, — Лукьяныч одобритительно подмигнул, кивая на вилку в руке Сергея. — Ешь. Котлеты из лосятины. В этом году охота хорошая. В Казахстане, поди, тоже такие готовят? — лукаво поддел его Лукья-

яныч, довольный впечатлением, произведённым на гостя, и сел к столу.

— Не-а. Там разве что бараны да верблюды.

Больше ждать не было силы. Сергей разломил котлету. Зацепил кусочек вилок. Котлеты с настоящей под крышкой пропаренной картошкой, с помидорами, с зелёным луком и ещё малосольными огурчиками показались ему пищей богов!

— Вот контора леспромхоза, тебе — туда. Хотя постой, — Лукьяныч суетился, торопился домой, но и бросить Сергея, не устроив на ночлег, не мог — не так был воспитан, — сегодня суббота, значит, все на болотах ягоду собирают. — Он глянул поверх сосен на низкое, прихваченное хмарью небо. — Скоро дождь пойдёт. К вечеру возвратятся местные отцы-командиры. Пойдём со мной. Там у них кабак, — он махнул рукой на кирпичное строение неподалёку, — раньше, до перестройки, столовка была, а теперь с одной стороны — магазин, с другой — бар.

Они остановились на поселковой площади перед зданием леспромхоза. Посёлок был небольшим. Главная улица — она же дорога, идущая от трассы на Костомукшу, раскидывала по обе стороны от себя бревенчатые домики и двухэтажные бараки из бруса. При въезде, рядом с пустующей заправкой, стояло несколько коробок четырёхэтажных панельных домов. Проехав этот уголок цивилизации, узик свернул налево — на площадь.

Хлопнув дверцей машины, Лукьяныч поспешил в нужном направлении. Шёл быстро, иногда переходя на бег. Сергей, на ходу закидывая за плечи рюкзак, еле поспевал за ним, дивясь его резвости. Лукьяныч ворвался в питейное заведение, быстро огляделся. Все семь или восемь столиков здесь пустовали. За барной стойкой, опустив голову на руки, дремала блондинка.

— Люся! Никак ты?! — голос Лукьяныча, чистый, звонкий, лился легко и свободно и, казалось, наполнил каждый уголок прокуренного помещения, влетел за стойку, растревожил хозяйку заведения.

— Я Ира, — над стойкой показалось полусонное раскрашенное женское лицо. Тяжёлые ресницы, увешанные комочками туши, недоуменно подрагивали, даже казались немного напуганными напором шёбутного посетителя, — у нас никакой Люси нет.

— Вы правы, Ирочка, по сравнению с вами Люся — никакая! — ничуть не смутившись, Лукьяныч, не сбавляя оборотов, сел за стойку. — Эх, давненько я у вас не был! А где все штабные?

— Какие штабные? — Ирочка поднялась из-за прилавка, хлопая ресницами. Лукьяныч своими вопросами вконец запутал её. Видимо, ещё слабо представляя, что, собственно, от неё требуется, она в надежде ухватить суть дела переводила свой взгляд с Лукьяныча на молчаливого Сергея и снова на Лукьяныча.

— Может, вы хотите чего? — Её нарумяненное лицо озарилось догадкой.

— Ирочка, разве такой старик, как я, может чего-то хотеть? Вот он хочет! — Лукьяныч указал на притихшего Сергея. Зардевшаяся Ирочка опустила глаза. — Хочет он поселиться здесь у вас, в Боровом, на некоторое время, а вы, Ирочка, не говорите, где ваше начальство леспромхозовское. Парня поселить надо. Командированный он.

— Так бы и сказали сразу, — Ирочка обиженно поджала губки, изящно поправила задубевшую от лака причёску, — так они все на болотах, к вечеру будут. Думаю, через пару часов вернутся, — говорила она только с Сергеем, смотря прямо ему в глаза, кокетливо играла наманикюренными пальчиками с залакированным локоном, — а вы оставайтесь, вечером я сменюсь, покажу вам, где гостиница, здесь недалеко.

— Теперь я спокоен за своего коллегу, Ирочка, — Лукьяныч соскочил с высокого табурета у стойки. — Присмотрись к Ирочке, может, и гостиница не понадобится, — шепнул он на прощанье Сергею и, подмигнув, вышел на улицу.

— Люсе — привет! — успел он крикнуть с порога.

— Да нет здесь Люси! — лужёной глоткой гаркнула Ирочка, широко раскрывая рот, так, что, казалось, можно было разглядеть гланды. Она уже окончательно проснулась, и напористость седовласого спутника этого командированного симпатяги с рюкзаком явно раздражала её. Но Лукьяныч этого уже не слышал.

— А вы присаживайтесь, — почти ласково, на правах гостеприимной хозяйки, она жестом пригласила Сергея к стойке. — Тут за целый день так устанешь от этих весельчаков, — будто оправдывая свой резкий тон в адрес Лукьяныча, прошептала она, — вроде и не молодой уже, а всё туда же, — она обиженно надула пухлые губки.

Сергей с сожалением вздохнул. Одному, без поддержки Лукьяныча, в незнакомой местности ему стало немного не по себе. Он подсел к стойке.

— Может, холодного пива? — с готовностью пришла на помощь Ирочка. — Свежее, только вчера завезли.

— Можно бокальчик, — без энтузиазма согласился Сергей.

Надо было занять себя чем-то, если верить Ирочке, ещё на пару часов. В плохо проветриваемом помещении бара стояла духота, и холодное пиво с солёными орешками было бы как нельзя кстати.

Бутылка «Балтики» «троечки» живо перекочевала из холодильника на стойку, а оттуда, надуваясь пенной шапкой, хлынуло в высокий бокал с надписью «Amstel».

— А вы откуда приехали? Из Костомукши или Петрозаводска? — Ирочка, сложив кренделем руки на барной стойке, навалилась на них богатой грудью в глубоком декольте так, что жемчужные бусики утонули в ложбинке.

Невозможно было не уловить кокетство в голосе, не заметить аппетитные, многообещающие женские прелести с тремя родинками-заманушками. Уж кому-кому, а Сергею этот язык флирта был отлично знаком. Все его любви остались в далёком прошлом, подраненное сердце давно зарубцевалось и было открыто для отношений вновь, тем более для мимолётного приключения. Нет пилюли от прежних пассий слаще и проверенней, чем лёгкая интрижка — ни к чему не обязывающее любовное похождение.

— Вообще-то, я приехал из Алма-Аты, — Сергей решил сразу обрушить величие мегаполиса на утлость провинциального посёлка. С деланной небрежностью он шмякнул свой выдавший виды рюкзак под ножки стула. По глазам напротив, удивлённо и восторженно распахнутым, он понял, что ответ глубокому декольте оказался более чем достойным.

— Это же так далеко?! — только и выдохнула Ирочка, подперев ладошкой нарумяненную щеку.

— По сравнению с моей последней командировкой, Ирочка, — почувствовав к себе неподдельный интерес со стороны новой знакомой, Сергей перешёл в наступление, — это совсем рядом, на одном, можно сказать, материке, —

он хмыкнул, как должен хмыкать в его понимании человек, прошедший половину своей жизни чёрт знает где.

— Ой, как интересно! А расскажете, где это? — Ирочка, ища удобного положения, приподнялась на стуле. Её грудь опустилась вниз — между выпуклостями, возле созвездия из родинок, словно из створок морской раковины, показались недостающие перламутровые звенья. Затем она снова навалилась на руки — объёмная грудь подскочила вверх, пряча жемчужины, налилась, словно пытаясь вырваться из тугого плена декольте. Сергею сделалось жарко. Не дав отстояться пиву, утопая губами в пенной шапке, он жадно сделал три больших глотка.

В детстве Сергей Батько много и увлечённо «путешествовал» в чёрно-белом пространстве старой «Берёзки» вместе с телепередачей «Клуб путешественников» и Юрием Сенкевичем. В его компании алматинский паренек поднимался в горы Тибета, продирался сквозь джунгли Амазонии, участвовал в африканском сафари и даже боролся за живучесть бальсового плота «Кон-Тики» с их «общим» другом и соратником Туром Хейердалом. Когда стал старше, при случае Сергей без труда мог раскрасить черно-белые истории из его телевизионного детства тонкими, яркими штрихами выдуманных подробностей, с лёгкостью занимая место главного героя. К чести Батько, прибегал он к этому крайне редко, с обязательным саморазоблачением в конце этого импровизированного шоу. Делал он это самозабвенно, но только тогда, когда хотелось позабавить себя и окружающих. Кажется, такой случай настал. Ирочка вдохновила его на «правдивый» рассказ о ловле жемчуга около островов Индонезии — так «легальнее» он мог бросать свои взгляды на декольте. Она слегка краснела, поправляла бусики, когда Сергей восхищался неповторимостью природных форм жемчужин, говорила, что купила бусы в галантерейке через четыре дома по улице. Сергей «не верил» — трогал их руками, как бы случайно прикасаясь к открытой шее, потом сокрушённо резюмировал, что даже такого профи в ювелирном деле, как он, можно с лёгкостью обмануть, а виной всему — совершенство женских линий, скрадывающих галантерейную халтуру.

— Просто на тебе, Ирочка, выглядит всё прекрасно, — он не заметил, как они перешли на «ты».

— Да ладно, — она довольно гоготнула.

— Ирэн! Там что, посетители?! — раздался недовольный мужской голос из приоткрытой двери за спиной, судя по запаху, ведущей в кухню.

— Да! — в таком же тоне кинула она за дверь.

Из кухни вышли двое: один — худой в очках, джинсах, мятой футболке и клетчатом пиджаке. Другой — с брюшком, свисающим из-под короткой полы рубашки, спортивных брюках и кроссовках. На лицах обоих — следы недавнего спиртного возлияния. С кухни влажно пахло теплом спёртого воздуха, пропитанного ядерной смесью из отварных макарон, жареных соевых котлет и старой половой тряпки.

— Предложи пиццу, — сказал тот, что был в очках и пиджаке, придававших ему налёт интеллигентности.

— Они не хотят, — почему-то во множественном числе ответила Ирочка таким тоном, как отвечают упрямые всезнающие дети своим родителям.

— Тогда предложи бальзама, — не унимался очкарик.

— Они пьют пиво! Борислав Владиславович, я сама как-нибудь разберусь, — она капризно скривила губы, картинно закатила глаза и зыркнула на Сергея. Тот и ухом не повёл.

— Да ну её, пойдём. Завтра с ранья в Питер ехать, нам надо ещё выспаться, — потянул за рукав пиджака своего приятеля толстяк, прикрывая дверь.

— Именно вот так — «как-нибудь» все в этой деревне и работают! — послышался недовольный голос очкарика из-за двери.

— Нача-альство! — с издёвкой протянула Ирочка, — тот, что в очках, — питерский, а жирдяй — наш, из Костомукши. Ну их! Как работать неделями без подмены — так «Ирэн, выручи», а как зарплату выдать — так у них всё в деле, подождать надо. Вот им, а не выручка! — Ирочка свернула кукиш и пихнула им по направлению к кухне. Но тут же, спохватившись, шустро засеменила к двери, прислушалась и поплотнее прикрыла.

Когда вернулась обратно за барную стойку, Ира нагнулась к Сергею так близко, что он уловил сладковато-душной запах ее тела, и с жаром зашептала:

— А ведь Борька-то идею подал. Через стенку, в магазине, всё то же самое продаётся, что и у нас. Только в три раза дешевле. Этот магазин тоже их.

Они вчера продукты завезли. Ты возьми себе что-нибудь покушать, а я разогрею. Можешь бутылочку карельского бальзама взять. Если с колой размешать, коктейль получится.

Два раза намекать на коктейль Сергею не понадобилось — уже через пять минут они с Ирочкой сидели за столом, потягивали соломинками тёмную пузыристую жидкость из пузатых стаканов, а в микроволновке за стойкой разогревалась пицца с грибами и сыром.

На улице давно начался обещанный Лукьянычем дождь. По шуму за окном было ясно, что сейчас он потихоньку стихает, но, когда Сергей бегал в магазин из одной двери здания в другую, дождь тарабанил что есть мочи.

От выпитого в голове захмелело. Было уютно сидеть вот так, отключившись от предстоящих ему забот, командировки, номера в гостинице, точкования штабелей и прочего... Сергей залиvisto травил байки, а в ответ получал восхищённые возгласы блондинки, вздохи и кокетливые взгляды.

Эту идиллию нарушили первые посетители — в бар ввалились пятеро молодых парней. Раньше Сергей не понимал, отчего все деревенские, одетые по сути в те же тряпки, что и городские, всё равно выделяются — выглядят по-другому? Деревенские, они всегда вроде разные, но неуловимо чем-то похожи друг на друга. Смотришь: лейблы, строчки, змейки, карманы — всё по уму. А потом дошло: всю иноземщину «Montana», скажем, или «Rifle» разбавляют наши расейские сапоги — широкие, разлапистые говнодавы, которые по десять лет сносу не знают, видимо, на местные дороги рассчитанные.

— Ирка, чё там с пивом? «Балтику» завезли? — гаркнул один из пацанов.

— Завезли, Колька! — сквозь зубы ответила она, даже не взглянув на клиента, злясь на неожиданных посетителей.

— Так дай одно нефильТРованное! Чё сидишь?

Не скрывая своего недовольства, Ирочка демонстративно встала из-за стола и звякнула по стойке пивным стаканом.

— Так чё, одно на пятерых?

— Ну да. Гы-гы-гы! — заржали пацаны.

— Не отпущу. Вам дай одно пиво, а потом всю дорогу в магазин будете бегать таскать сюда спиртное. Магазин выполняет план, а я — нет. Со своим спиртным нельзя. Мне потом по шее по-

лучать от начальства не хочется. Договаривайтесь с Бориславом, мне надоело отвечать за всех.

— Ты, Ирка, чё-то распонтилась! Перед этим, что ли?! — Колька недобро зыркнул на Сергея.

— Не твоего ума дело! — огрызнулась она, уткнув руки в боки. — Сказала же: к Бориславу! И вообще, меня сегодня Наташка сменяет. Вот с ней и договаривайтесь.

Отвернувшись от нежеланных гостей, Ира шепнула тихонько Сергею:

— Ты иди пока, подожди меня в магазине, а я скоро — смену сдам и приду. Только не связывайся с этими козлами.

Тот расплатился за пиво и под пристальными вызывающими взглядами местных «козлов» вышел на улицу.

Вне стен бара было свежо, пахло озоном. Птичье разноголосье радовало слух звонкими перепевами. Воздух был настолько чист, что, казалось, стоит поднапрячь зрение, как через увеличительную линзу, можно будет разглядеть видневшиеся дальние окраины поселка. Дождь почти кончился и сбрасывал с неба последние редкие капли — тёплые и тяжёлые. Сергей любил летний дождь — такой, чтобы стеной. Сильный, неистовый, с грозами, чтобы небо пополам, чтобы душа в пятки. Запрокинув голову, он постоял ещё недолго, подставляя каплям лицо.

В магазине купил бутылку карельского бальзама, хлеб, палку сырокопчёной колбасы, какие-то рыбные консервы, что-то ещё. Покидал всё в пакет. В магазине было тихо и пусто. Батько в ожидании встал у окна.

Освободившись от небесной влаги, небо прояснилось. Зацепившись за макушки медных сосен, застыли распотрошенные сизоватые облака. Перед баром Колька и сотоварищи заорали матом. Умиротворенный и разомлевший было Сергей поморщился — ему показалось кощунством осквернять чистоту, наполнившую воздух после дождя, грязной бранью. Горланили о заезжем хмыре, Колька выкрикивал имя Борислава, материл Ирку-«гадину», потом вся компания куда-то двинулась.

— Ещё что будете брать? — вдруг послышалось за его спиной.

Батько вздрогнул, обернулся. За прилавком продавщица снимала белый фартук.

— Мы закрываемся, — сказала она, взглядом выпроваживая его на улицу.

Забегала из бара Ирочка. Вся раскрасневшаяся, с капельками дождя на лице, манящая.

— Пошли, — она взяла под руку кавалера и потащила на улицу.

— Куда? — брякнул Батько.

— Как куда — в гостиницу! Это за поворотом, в четырёхэтажке. У леспромхоза две квартиры для командировочных имеются. Слышал — там Колька разорался, идиот. Вот ему всегда больше всех надо, — она пытливо глянула на Сергея, будто стараясь выяснить, не испугался ли. Тот безразлично пожал плечами.

— Пошли здесь, на всякий случай — через кусты. — Легонько подтолкнула она его в сторону густых зарослей какого-то кустарника.

Сергей не спросил, о каком-то случае говорит его спутница, но кожей чувствовал недоброе. Он огляделся по сторонам, но ничего — вроде спокойно. Посмотрел на свои размокшие, облипшие песком и глиной кроссовки, тихо ругнулся. Ирочка хихикнула.

— К завтраму обсохнет. Обобьёшь грязь, — шёпотом сказала она и подошла так близко, что можно было слышать её частое дыхание, чувствовать тепло её тела. Сергей обнял её за плечи, притянул к себе.

— Подожди, пойдём хоть в квартиру, — она вырвалась и, озорно смеясь, потащила за собой по тропинке, прикрытой кустами от предательского свечения белой ночи.

Остановились возле обшарпанной панельной четырёхэтажки.

— Здесь, — сказала Ира, немного запыхавшись.

Они зашли в подъезд, вокруг стало темно.

— Комнаты на первом этаже. Там сейчас живёт... — она не успела договорить. Сергей резко притянул к себе Ирочку, она запустила пальцы в его волосы...

В подъезде стало шумно, пьяными голосами горланила поддатая компания, поднимавшаяся по ступенькам на этаж.

— Да здесь они, Борислав! Отвечаю! Ирка-стерва сюда его потащила. Наташка врать не будет! Ей-то какой понт врать?! — орал Колька.

Батько сразу узнал его надломленный сиплый голос. Разгорячённые алкоголем, в предвкушении драки, будто еще наэлектризованные «небесным гневом» грозы, они, тяжело дыша, пронесли мимо парочки, стоящей в коридоре под

лестницей, в темноте даже не заметив их. Сердце Сергея стукнуло в грудь, обмерло.

Пацаны остановились возле обитой потрескавшимся дерматином двери на первом этаже.

— Давай звони. Руслан свой пацан, он их выгораживать не станет, — рвался в бой сиплый. Длинно пропела птичка дверного звонка.

— Руслан, брат, это мы — Колян, Стёпик и этот... С нами Борислав, в общем. Ирка с хмырём у тебя? — не дождавшись, пока откроют, крикнул Колян, долбанув пару раз для уверенности кулаком по обивке.

Щелкнул дверной замок. Этаж залился домашним желтым светом, отбрасывая на лестничную площадку длинные тени.

— Почему Ира с каким-то хмырём должна быть у меня? — голос был негромкий и спокойный, но за хладнокровностью ощущались уверенность и сила. Это подействовало — Колька замолчал. Говорить стал Борислав:

— Ты это... Извини, что разбудили...

— Да не будили вы меня, — теряя терпение, резко и зло перебил Руслан. — Ты скажи, почему твоя Ира должна прийти ко мне!

— Да нет, братуха... Я понял... — подал голос Колька. Что-то произошло между Русланом и пьяной компашкой, так как Колька, недоговорив, умолк.

Сергей, протянув руку, нащупал в темноте входную дверь в подъезд, легонько толкнул её. Она поддалась без шума, с улицы прокралась полоса света. Стала видна часть обшарпанной зелёной стены, разбитая лампочка при входе над выкрашенной мастикой дверью. Осторожно, чтобы не были слышны шаги, он вытолкнул на улицу Ирочку и сам вышел следом. Забежали в соседний подъезд.

— Что ж ты не сказала, что с Бориславом?! — обрушился Сергей на нее, стараясь говорить тихо.

— Как будто у тебя никого нет?! — по-гросмейстерски, переходя от защиты в нападение, парировала она, неприятно взвизгнув.

— Представь себе: нет! — Сергей говорил правду, в его голосе она услышала упрёк, и это ударило по самолюбию.

— И не будет! Подумаешь, правильный какой нашёлся, — Ирочка выскочила на улицу. Пружина, жалобно скрипнув, с силой захлопнула дверь. Стало снова темно.

Сергей лихорадочно соображал, что ему,

собственно, теперь делать с местной шпаной и как вести себя с таинственным местным авторитетом по имени Руслан. План созрел молниеносно. Батько приоткрыл дверь, пустив полосу света в подъезд, полез в рюкзак, достал папку с деловыми бумагами — договорами, соглашениями и прочими юридическими документами, рабочими записями. Нашел нужный лист с перечнем, быстро пробежался по списку имён местного начальства, моментально всё сложил обратно и вышел. Ирочки на улице уже и след простыл. Перед дверью в подъезд, из которого десять минут назад пришлось ретироваться, потоптался полминуты. Внутри уже горел тусклый свет. Сергей коротко выдохнул и вошёл внутрь. Он настроился — надо было решить вопрос на месте, пока компания не разбежалась.

— Ну, ты это... Не сердчай на нас... Мало ли чего... — послышался голос Кольки-сиплого, всё еще рассыпавшегося в извинениях.

Сергей не спеша стал подниматься по лестнице с долгим нескончаемым пролётом.

— Оп-па! — Колька натужно растянул рожу в щербатой улыбке, когда увидел, какая рыба сама плывет в сети. Пацаны перегородили проход. Сергей остановился и с деланным удивлением уставился на компанию, с грозным видом сгрудившуюся на площадке. Четверо с ухмылками на лицах выжидающе переминались с ноги на ногу у электрического щита, Колька — чуть впереди. В дверном проеме в дверях по-хозяйски непринуждённо стоял высокий жилистый парень с холодными серыми глазами, короткой стрижкой, в шортах и тапочках на босу ногу.

— Ты чё к нашей Ирке хвосты подбиваешь?! — Колька цыкнул слюной на пол.

Батько, наигранно подняв бровь, выдержал короткую паузу, обернулся в пустоту за спиной.

— К какой Ирке?! Я вас не знаю.

— Ты дуру не включай, а! К барменше нашей. О чём ты с ней тёр?! — Колька, набычившись, сделал шаг вперёд к Сергею.

— В следующий раз в баре подойду к тебе — ты нальёшь мне пиво! — медленно, с нажимом ответил Сергей, копируя подслушанную манеру говорить Руслана.

Судя по сомнению, скользнувшему в глазах Кольки, Сергей был близок к идеалу произношения. Тот оглянулся, ища поддержки в сотоварищах, а они ждали, чем всё закончится.

— Ты чё, попутал?! — сиплый двинулся на Сергея, а тот, угрожающе прищурившись, с вызовом вперился в Кольку глазами, предусмотрительно опустив на пол пакет с вещами и сжав в кулак руку в кармане.

— Подожди, Сиплый, разобраться надо! — Руслан шагнул из квартиры в коридор подъезда. — Меня зовут Руслан, — лёгкая, ничего не выражающая улыбка на лице, прямой взгляд. За таким взглядом всегда сила, грубая, разрушающая, беспринципная. Сергей сразу почувствовал опасность, невидимо исходящую от Руслана — такой и ножом владеет, и пулю всадит за завтраком, не поперхнётся. Сергей встречал таких, знал — с ними надо держать ухо востро! Вежливость для таких, как он, лишь предлог всадить в тебя нож.

— Сергей, — представился коротко, сухо, без лишнего заискивания, такие, как Руслан, уважают силу. Весь напряжился, аж взмок.

— Какими судьбами к нам? — Руслан умел вызвать дрожь учтивой речью.

— Должен отчёт держать? — во рту у Батько пересохло.

— Должен! — было сказано так, чтобы всем стало понятно, кто здесь хозяин и перегибать палку приезжим не стоит. Колька Сиплый самодовольно хмыкнул, чувствуя у себя за спиной силу.

— В командировке я здесь. Лес возить будем.

— Так это ваши штабеля в лесу сложены?

— Наши, — Сергей старался говорить ровным спокойным голосом в тон Руслану. Что ж, ему пришлось признать силу, но и он не лыком шит: лишнего не приплетал — не за чашкой чая встретились.

— А сюда, в гостиницу, кто отправил?

— У нас договорённость с директором вашего леспромхоза Степаном Львовичем.

— А с Ирой чего тёр?

— Спросил, где находится гостиница и как в неё вселиться, начальство же на болотах. У кого мне ещё спросить, у этого, что ли?! — Сергей ткнул взглядом в Кольку, он не на шутку завёлся, допрос затянулся, и становилось неважно. Тот хотел было вспылить, но Руслан похлопал его по плечу, остынь, мол.

— Ладно, пойдём за знакомство по стопочке, — он кивнул Сергею, приглашая пройти за ним внутрь квартиры. Как-то сразу пропал интерес к Батько, расслабилась и загомонила

шебутная компания, обсуждая, куда им направиться дальше.

Они сели с Русланом на кухне. На столе стояла початая бутылка водки. Сергей добавил к ней свой бальзам. Далеко за полночь выяснилось, что Руслан из Грозного, что работа у него связана с риском, а здесь переждать ему надо некоторое время. «Прячется от кого-то», — мысленно сделал вывод Сергей. Уточнять он, конечно, не стал, да и Руслан не был охоч на лишнее слово, это Сергей сразу понял. Сказано — переждать, значит, переждать.

— Здесь тебя никто не тронет. Это я говорю! — сказал Руслан напоследок.

У обочины, напротив дверей конторы, красовались три блестящих чёрных «Крузера». В самой конторе леспромхоза стоял гвалт, сутолока, неразбериха. Скрипели половицы, тревожно мигали лампочки в цоколях под потолком. По коридорам с деревянными стенами, выкрашенными синей краской, бегали люди, потрясали в воздухе какими-то бумажками, суетились, волновались, из открытых настежь дверей кабинетов в коридор вылетало треньканье телефонов, ругань, неслись угрозы. К директору Батько не пустили двое крепких ребят, стоявших охраной перед дверью. Оказывается, утром, ещё до прихода служащих, в контору ворвалась дюжина молодых, силой заняли кабинет директора, и что теперь будет, никто из взбудораженных офисных работников не знал. Сергей остановил в коридоре взвинченную, раскрасневшуюся дамочку в юбке и белой блузке с глубоким вырезом в рюшках, кратко изложил суть вопроса.

— Сейчас не до вас, молодой человек, — взвизгнула она, вскинув руками. — Разве не видите — у нас рейдеры?! Степан Львович! Надо что-то делать! — кинулась она к пузатому дядьке в пиджаке, буквально влетевшему в коридор конторы.

Тяжело сопя, он решительно направился к своему кабинету, который уже был занят. Молодчики даже не шелохнулись, позволив ему свободно войти в «предбанник». Для взмыленного Степана Львовича, готового на смерть биться за своё место, это стало полной неожиданностью. На мгновение он растерялся, теряя градус боевого духа. Догадываясь, что ничего хорошего это ему не сулит, он, немного потоптавшись, вошёл в кабинет. Да-

мочку, следовавшую за директором по пятам, охрана не пустила. «Руслан! Что это всё значит?!» — послышалось из-за дверей.

Сергей бегал из кабинета в кабинет — везде шум, суматоха. Отовсюду его «просили» нервные служащие, указывая на двери. «Идите уже, не до вашего леса — власть меняется, самим бы без работы не остаться!» — кричали ему. Контора пустела, крепкие ребята в костюмах вежливо просили всех разойтись по домам, закрывали кабинеты. Вышел пунцовый Степан Львович, рассеянно глянул, как с двери его кабинета срывают табличку с его фамилией, потом посмотрел на дамочку с покрасневшими влажными глазами и дрожащим подбородком и, не сказав ни слова, пошёл к выходу. В коридоре Сергей столкнулся с Русланом.

— Гостиница закрывается на неопределённое время, — сказал он Сергею так, будто и не знакомы они вовсе. — Дайте ему ключ от сторожки на площадке, — начальственно кинул он охране позади себя, — пусть вывозит свой пиловочник.

Как по волшебству, перед Сергеем вырос главный инженер, что пять минут назад даже слушать не желал о финнах, сроках вывоза пиловочника и штрафных санкциях.

— Сейчас всё сделаем, Руслан... Кхе... Кхе... ..авич, — неловко замялся он, попытавшись выговорить заковыристое, не привычное русскому уху отчество, и опрометью пустился в свой кабинет.

Развернув план-схему, выданную ему главным инженером, Сергей сориентировался на местности и направился по просёлку в лес, туда, где на площадке должны лежать штабеля с их пиловочником. Он шёл вдоль поросшей высокой травой и кустарником узкоколейки с выдранными с «мясом», покорёженными пролётами рельсов, будто здесь недавно прошла партизанская война. «Партизаны» потрудились на совесть — чтоб наверняка не восстановить. Скоро, вильнув в сторону, редкие выбитые шпалы и вовсе трусливо спрятались в подлесок доживать свой век. «Что за народ?! — тяжело вздыхал Сергей. — На своей земле, а живём как чужаки! Финны-то уж точно берегут свою землю». Ему вспомнился разговор с Лукьянычем.

По натопанной кем-то тропке Сергей вышел к площадке с пиловочником. Наскоро оглядев

штабеля, он направился к покосившейся сторожке. Она находилась в стороне от площадки на маленьком пригорке. Будто покинутая всеми, забытая богом старуха, кланялась она в ноги путнику сползающей, косо нахлобученной кровлей, приглашая всякого заезжего разделить её одиночество. Выглядела сторожка плачевно и мало походила на пригодную для жилья. Сергей осмотрел окрестности, но, кроме этой рухляди, кругом ничего мало-мальски годного не было видно. Полез в карман за ключом, выданным в конторе леспромхоза, примерил к амбарному замку на потемневшей двери — вроде должен подойти. С трудом провернул сердечник навесного замка. Сергей с усилием потянул вниз — и дужка выскочила из тесного плена чугуна. Внутри было сыро, пахло плесенью, чем-то протухшим. Зарешеченное, покрытое слоем пыли единственное окно пропускало тусклые солнечные лучи. В углу — буржуйка, рядом — топчан, у окна — покосившийся столик. «Жить можно», — решил про себя Сергей, и сторожка-старушка приветливо скрипнула половицей под его шагом.

Из-за перебоя с электричеством на местном почтамте (леспромхоз был закрыт) Сергей лишь на следующий день дозвонился до своего начальства в Петрозаводске. Сообщил новости, сказал, что готов к отгрузке, отправил факс с планом площадки, куда должны были приехать финские лесовозы. В местном сельпо купил котелок, миску, кое-какие продукты. Так что в посёлке он больше не появлялся — нужды особой не было.

К концу следующего дня приехала первая «SISU». Дело пошло. Всю неделю Сергей занимался отгрузкой леса. Утром он точковал оставшийся после отгрузки лес, в обед приезжала машина. Толстый финн Мартин в отутюженном комбинезоне, подняв в приветствии руку, кричал ему: «Терве», прыгал на сиденье фискарса, позади кабины, и, железной лапой манипулятора ловко цепляя брёвна, укладывал их между стальными клыками в прицеп. Затем стягивал уложенный пиловочник широкими ремнями реперов и, махнув на прощанье, уезжал.

Вечерами Сергей варил себе похлёбку или запекал на углях картошку. Подолгу смотрел на танцующий огонь, полнокровную луну, иногда ловя себя на мысли, что, может, вот так же, сидя

у костра где-то в южных широтах Казахстана, смотрит сейчас на луну Аня...

С последней машиной леса Сергей уехал в Костомукшу, потом на поезде — в Петрозаводск. Олег Вениаминович поздравил его с «боевым крещением», выдал премию. Сергея приняли в команду. И всё хорошо, если бы вскоре не произошёл этот случай с декларациями на границе...

Не всем ко двору в офисе Олега Вениаминовича пришёлся Сергей Батько. Вливался в новый коллектив — для него это привычное дело. Знал — везде свои правила, законы, выстроенные в условиях жёсткой конкуренции, устоявшиеся рабочие связи. И теперь Сергей, по сути чужой пока для коллектива человек, должен был «вписаться» в жизнь конторы Олега Вениаминовича — стать своим. Легко сказать! Вместе с возложенными на него обязанностями он получил и ряд полномочий, одним словом — некоторую власть наравне с офисными сотрудниками. Да кто же её, родимую, за просто так тебе отдаст, даже если начальник велел?! И если кто-то с облегчением вздохнул: баба с возу, кобыле легче, то Боря Шалаев, старший менеджер, ревностно оберегал от чужаков когда-то так «обременявшую» его «бумажную работу» с таможенными декларациями. Первые дни Сергей деликатничал, присматривался, анализировал, искал подход к коллеге. Он быстро освоился, вошёл в «тему», стал принимать самостоятельные решения. А Боря всё не мог смириться с конкурентом, вторгшимся по воле директора в его сферу. Дня не проходило, чтобы он не вмешивался в дела Сергея, не лез с советами. Чуть отойдя от дел с таможеней, уже не владея в полной мере всеми вопросами, путал Сергея, подсовывал быстро устаревающие указы, распоряжения, давно отмененные бланки. Когда «опека» встала, что говорится, поперёк горла, Серёга дал понять Боре, что вполне справляется сам. Получилось это резковато, зато теперь ему никто не мешал. Во время одной из командировок их босса Олега Вениаминовича Боря подошёл к Сергею.

— Сергей, через неделю из Украины хохлы приезжают. Надо оформить на них документы, потом покажешь им наши делянки в Ругозере, — Боря шустро подsunул ему папку с документами.

— Постой! Я же с декларациями работаю, — Сергей придержал за локоть заторопившегося куда-то Борю.

— Этим вопросом займусь я, — с нотками раздражения начальственно заявил он, недобро уставившись на Сергея в упор.

— Но у меня уже всё готово почти, — уверенно ответил тот, приняв вызов и глядя Боре в глаза.

— «Почти!» — усмехнулся он, растянув толстые влажные губы в ехидной улыбке.

— И потом, Олег Вениаминович... — начал Сергей, снова пытаясь придержать Борю за локоть.

— Пока Олега нет на работе, — Боря затянул паузу, чтобы нерадивый новичок смог оценить заслуженную им за многие годы службы в офисе преференцию — называть их босса только по имени, — я здесь главный! — вырвав локоть, он победно скрестил руки на груди.

Сергею оставалось лишь пожать плечами и передать Боре свои дела. Даже не взглянув, он сунул документы в выдвижной ящик своего стола.

Бывает же так! Ведь знаешь, что прав, а доказать не можешь! И в конторе все помалкивали, против Шалаева не хотели идти, видимо, не одного Серёгу подставил он. Правду говорят: своя рубашка ближе к телу. И — что самое обидное — всем известно, что не по его вине случилась эта задержка лесовозов на финской границе. Боря таки проваландал «почти» готовые декларации — с опозданием подал. Только как об этом директору сказать: «не виноватая я — он сам пришёл?!» — виновных успеется найти. Да и не привык Батько наушничать, оправдываться — делом надо заниматься, спасать положение.

— Ну что, Сергей, — сказал тогда генеральный, — судьба твоя решается! Если через полчаса машины не пойдут...

И это после трёхдневных утомительных, подчас виртуозных переговоров с таможенниками, декларантами, местными чинушами и бизнесменами разного пошиба! Ведь нашёл и взятку кому дать, и того, кто её передал, и кто заново декларации составил, и на финскую границу документы отвёз! Обидно тогда стало Батько. До слёз обидно. А ещё Боря тогда затихарился, пропал из офиса, срочно ему куда-то понадобилось. Вот и ответил Сергей тогда:

— А я считаю, Олег Вениаминович, что небесная канцелярия на этаж повыше будет.

Через полчаса машины пересекли границу, а Сергею велели написать заявление... По собственному...

6

Иномарка с номерами десятого региона скоро колесила по пыльной проселочной дороге. Мачтовые сосны с раскидистыми ёршиками ветвей взмывали в нахмуренное октябрьское небо, образуя нескончаемый часток-кол вокруг трассы, будто древнейшая северная земля, насторожившись, пыталась скрыть свои многовековые тайны от случайных гостей. Тысячи лет этот край хранит память о предках саамов, вепсов, карелов, живших там и промышлявших в дремучей тайге, о пришлых псковичах, новгородцах, сам Никон до церковного раскола игуменствовал в здешнем монастыре, Марфа-посадница владела местной деревней. Заповедное Водлозерье — в стороне от шумных больших городов, нынче только и осталось от четырёх десятков поселений одно село Куганаволок — и это на несколько сотен жителей.

— Что-то не то... Разворачивайся, едем обратно, — рядом с водителем на «штурманском» месте сидел крепкого сложения парень.

— Ёпрст! Скажи точно: назад или всё же вперед! — водитель за баранкой «Фольксваген-Пассат» нервно заёрзал в кресле.

— Теперь точно, Игорёк! Видишь — дорога проселочная сужается, дальше — болота. Я вспомнил эту дорогу — мы не там свернули.

— Вспомнил он! — ворчал шуплый парень на водительском месте. — Что я вам, железный? Уже не одну сотню вёрст отмахал за баранкой!

— Хочешь, я поведу или вон? — крепыш кивнул на заднее сиденье, где дремал, насколько, конечно, можно дремать на карельских ухабах, их приятель. — Серёга сядет за баранку.

— Ла-адно, сам поведу, — недовольно протянул водитель. — Как же... Посади вас за руль! — Он включил передачу и резко развернулся.

Пассажиры сзади зашевелились. Тряхнув тяжёлой, будто с похмелья головой, он высунулся в проём между передними сиденьями. Глаза его помутнели со сна, длинноватые волосы сбились

вправо, левую щеку расплосовали красные отлежанные бороздки.

— Где мы? — сдавливая зевоту, спросила косматая голова.

— Почти на месте, — бодрячком ответил Вадик, парень со «штурманского» места, — Водлозерский парк. Скоро Куганаволок.

— Давно бы приехали, если бы не этот Сусанин! — с досадой добавил Игорь, включая третью скорость. — По этим ухабам не скоро доедем.

— Что поделать? Давно я не был в этих местах. Лет семь уже, как бабку не навещал. Вот и уехали в никуда! — подпрыгивая на очередной кочке, примирительно сообщил «штурман».

— Как это — «в никуда»? — наморщив лоб, пыталась понять голова. — Ты, Вадик, толком объясни.

Сергей вцепился в передние кресла руками, чтобы не удариться о крышу автомобиля.

— Дорога эта так называется — «В никуда», прозвали её так местные. Здесь, Серёга, строили что-то или хотели построить. Вели дорогу, потом строительство забросили, а дорога осталась. Тихе ты, Игорёк, — обратился он к водителю, держась за ушибленную макушку, — а то подвеску всю оставим здесь, в деревне на твоего «немца» запчастей не найдёшь.

— К ночи надо успеть. Увезешь еще опять «в никуда» нас. Где ночью дорогу искать будем? Да и холодина уже по ночам, — огрызнулся тот.

— Ты природой наслаждайся, Игорёк! Чувешь, какой воздух? — Он приоткрыл окно и шумно вдохнул прохладного, напоённого ароматами едва подмерзших прелых листьев и хвоей грибного воздуха. — А-а-а! — выдохнул он. — Хорошо! У вас в Казахстане, поди, такого нет? — вопрос был адресован Сергею.

— Такой тайги нет, — уклончиво, без долгих объяснений ответил он.

Дорога вильнула в сторону болот. Вадик развернулся к Сергею, многозначительно поднял бровь:

— А такое есть?

В километре от дороги на торчащем из болотины сухостое сидела огромная птица. Не успел Сергей ответить, как машина, сбавив ход, остановилась у придорожных кустов с редкими зелёно-багряными, будто забрызганными подсохшей кровью листьями рябины, еще не успевши-

ми полностью опасть. Осторожно прикрыв за собой дверь машины, пригнув спину, Игорь метнулся к багажнику, достал кожаный чехол, начал лихорадочно расстёгивать его.

— Бесплезно, Игорёк, — прокомментировал его действия Вадик, — он нашу машину давно приметил. Только сунешься в болота — улетит.

— Думаешь? — глаза Игоря азартно блестели. — Я галсами пойду!

— Это тебе не гуси у нас под Олонцом — глухарь! Мошник! — усмехнулся Вадик. — Пойдём весной в самый ток — там и набъём. Поехали, Игорёк, а то и впрямь допоздна не управимся. Завтра с самого ранья судака рыбачить будем — надо выспаться.

— Серёга, дык, тебя точно уволили? — Игорь разочарованно бросил зачехлённое ружьё на сиденье рядом с Сергеем, сел на своё водительское место.

— Точнее не бывает, — Сергей нахмурился, вспомнив неприятный разговор с бывшим патроном.

Его напрягали эти расспросы — и так тошно. Да и приятелям его не понять, как оно — без гражданства и работы одному оказаться. Хорошо ещё жильё есть и с хозяйкой квартиры повезло — приветливая. Может, в долг пустит жить, пока с работой туго.

Их машина уже снова катила по просёлку.

— Не переживай, Олег, он такой — крут на поворотах, у нас тоже работы хватает. Пойдешь к нам?

— Пойду, если позовёте.

— Вот чудак-человек, говорим же: работы хватает. Тем более что заниматься лесом будешь, как и в фирме Олега. — Игорь лихо выкручивал баранку автомобиля, объезжая ухабы.

— Так я и не против. Я только — за! — Сергей, заломив руки за голову, откинулся на заднее сиденье. Игорь бросил короткий взгляд на зеркало заднего вида в салоне авто. На лице у Сергея мелькнула счастливая улыбка. В который раз Фортуна берёт его под своё крыло. Интересная штука — жизнь! Ещё полгода назад он жил в Казахстане. Думал ли тогда, что судьба занесёт его в эти северные края, сведёт с замечательными людьми? Вот и вчера нежданно-негаданно пригласили его новые друзья на рыбалку в этот удивительный заповедный край — Водлозерье! Прав, конечно, Вадик: в Казахстане таких мест

не найти, так и здесь степей нет! А кумыс, айран, казы... Всякое место хорошо по-своему, но надо быть честным — Карелия очаровала Сергея с первого взгляда, ещё когда за товаром сюда ездил из Казахстана.

Он глянул в окно. Кругом ели, сосны-гиганты, между ними — тоненькие стволы робких осин и берёз с остатками пожелтевшей листвы. Налетел сильный ветер, властной рукой своей вычесал пожелтевшую листву с придорожной берёзки, подкинул вверх, закрутил осенний хоровод, бросил под колёса автомобиля и дальше — на камни и бурелом.

А места здесь дремучие, до Карелии не доводилось Сергею в тайге бывать.

— Слушай, Вадик, а волки здесь есть? — Сергей не знал, для чего задал такой вопрос.

Глядя на непролазные места вокруг, ответ был очевиден. Может, для поддержания разговора? Или чтобы лишний раз подчеркнуть своё казахстанское экзотическое происхождение?..

— Шутишь?! — откликнулся Вадик. Он даже на мгновение вывернул шею назад взглянуть на Сергея, чтобы убедиться, не шутят ли с ним. — Каждую зиму в чьём-нибудь дворе от собаки одна цепь и остаётся! Вообще, бабка на ночь свою собаку в дом пускает.

— А деревня эта, — Сергей запнулся перед непривычным для него словом, — Ку-га-на-волок, — выговорил с трудом, — давно стоит?

— Лет пятьсот — не меньше!

— Фить-фу! — присвистнул Сергей.

— Здесь раньше были земли Обонежской пятины — новгородские, значит, вплоть до Пудожа эта пятина была, — Вадик оживился, чувствуя в Сергее благодарного слушателя, — много тоней рыболовных было. Оно и сейчас рыбы хватает, вопреки рыбхозьяствам. А бабка моя так до сих пор по-новгородски трёкает. Даже я не всегда понимаю её. Помню, маленький был, меня с сестрой на лето привезли сюда в деревню, а бабка и говорит моей матери: «Гопа гляне, что я одна с ребятами...»

— Слушай, гопа, куда ехать? — перебил его Игорь, останавливая машину у перекрёстка.

— Налеву, — и, перехватив брошенный в свою сторону сомневающийся взгляд, Вадик четко повторил: — Точно — налево!

— Гляди у меня, штурман, — буркнул Игорь, в шутку погрозив кулаком.

— Слушай, Серёга, всё спросить тебя хотел: чего тебе в Казахстане не сиделось? — Игорь снова глянул в зеркало в салоне.

— А то и не сиделось — надоело всё, — Сергей откинулся на сиденье, давая понять, что не хочет говорить об этом. Что толку? Пока на своей шкуре не почувствуешь — не поймёшь, говорить не о чем!

В ранних сумерках, спустившихся на Судачий полуостров, растворились купола храма Диодора Юрьевского чудотворца. Над остроконечной башенкой Петропавловской часовни с маленькой луковкой и православным крестом, догорающим в скупых закатных лучах холодным серебряным светом, в вышине приземистого тёмно-синего неба, подёрнутого чуть розоватой кисеей перьевых облаков, плыл птичий клин. Сергей сидел на просмоленном киле перевёрнутой вверх дном кижанки, всматривался в узкую полосу горизонта, сдавленного сверху сизой с тёмно-фиолетовым отливом полосой. Шурша, накатывали на каменистый берег волны Водлозера. У кромки воды, уже прихваченной вечерними заморозками, на жердях со старой оглобли сохла плетённая ячеей простыня невода. Рядом — оставленная кем-то, уже основательно проржавевшая ось телеги. Иногда, укорачивая железный век, её облизывала холодная волна, будто в отместку жердям, чьи сети тащат из глубин озера золотистую рыбу — клыкастого судака с царственной короной — костистым плавником на спине.

— Серёга, в баню-то идёшь? — раздался сзади голос Вадика. Серега обернулся. Тот стоял на пороге маленькой баньки на берегу. В облаке пара, идущего от его разгоряченного тренированного тела с испачканными сажей плечами, Вадик казался ещё больше. Вверху что-то произошло. Отвлёкшись, Сергей пропустил тот момент, когда солнце, уходящее за горизонт, прорвав последним своим лучом тёмно-сизую полосу, коснулось безупречно выстроенного клина, осветило его розоватой позолотой. Вспыхнул розовым крест на куполе Петропавловской. Закурлыкал вожак, и подхватил его песню лебединый клин. В фиолетовом октябрьском небе, за горизонт, стрелой летела стая, а сверху неслась над землёй прощальная

песнь. Не в силах оторваться, мужчины смотрели вслед покидающим насиженные места царь-птицам.

— Прощаются с родиной. Поздно что-то на юга летят — до ноября рукой подать. Вон уже белые мухи полетели... Всё, теперь до весны, — нарушил тишину Вадик. — Скоро совсем снегом засыплет, — задумался он, глядя на подкрашенный малиновым цветом горизонт. — Пошли и мы, а то я продрог совсем!

— Вот и мне, наверное, придётся уехать к родителям на Украину. А ведь я думал, что Карелия станет моей второй родиной! — с какой-то тихой грустью сказал Батько.

От этих случайно оброненных слов стало ему тошно и больно, будто ком в горло вбили. В темноте Вадик не видел блеснувшие невольной слезой глаза.

— Сказано же: возьмём к себе. Будешь у нас коммерческим директором, — Вадик дружески коснулся его плеча. — Пошли в парилку. Как тебе банька по-чёрному?

Сергей пожал плечами:

— Так себе.

— Ещё один заходик, и пойдём есть судачка по-карельски в молоке. Пробовал когда-нибудь? А ещё моя бабка рыбник с налимом спекла! Горячий — только из печи! Э-э-х!

7

О том, что его выселяют из съёмной однокомнатной квартиры, Сергей узнал сразу по возвращении с рыбалки из Куганаволока. Ивановна, соседка по лестничной площадке, вопреки его ожиданиям, ключ от квартиры не отдала.

— Там тебя Клавдия дожидается, — неприветливо бросила она в приоткрытую дверь, сверкнув из полумрака прихожей окулярами очков.

В квартире его встретила хозяйка — женщина в годах, с отпечатком усталости на лице и потухшим взглядом. Прошли в кухню. Скинув пальто, она присела к столу, Сергей, как был, в испачканной на рыбалке куртке, так и остался стоять в дверном проёме. «Опять денег будет просить. Надо потянуть с оплатой. Какое сегодня число?» — пытался припомнить он.

— Не думала, Сергей, что вы так надолго квартиру без присмотра оставите, — её голос непривычно с первых слов дрожал нервными нотка-

ми, на кухонном столике натруженные, загрубевшие руки суетливо поправляли выцветшую клеенку со следами давних порезов. Обычно доброжелательная, теперь она была напряжена и явно старалась себя сдерживать.

— Ивановна говорит, уже неделю как не видела вас, — сказала она, упершись взглядом в пол.

Оставив в покое клеенку, решительно сплела изрубленные морщинами огрубевшие пальцы, строго посмотрела на Сергея, затем сложила руки у себя на коленях — тёмные с бронзовым налётом загара и толстыми синими венами под калькой глянцевої кожи. Именно такими помнил Сергей руки своей мамы.

— Так я и оставил ей ключи! — начал защищаться Сергей.

Он сразу уловил, что его «долгое» отсутствие было всего лишь предлогом для чего-то другого, о чём Клавдия Николаевна, хозяйка квартиры, скажет чуть позже, и, похоже, квартплата здесь ни при чём.

— Она обещала мне и за квартирой присмотреть, и за цветами ухаживать. И потом, я предупредил вас, что по роду своей деятельности часто бываю в командировках, — с обидой в голосе возразил он, сунув руки в карманы куртки защитного цвета.

— Да я и не против, — вздохнув, обронила Клавдия Николаевна. Голос её смягчился, и сама она будто вся обмякла, привалившись на стол. Она рассеянно, виновато взглянула на Сергея, а потом уставилась в вытертый узор линолеума. Помолчали.

Не поднимая глаз, Клавдия Николаевна призналась, почему-то чуть покраснев и опустив глаза:

— Дочка у меня из Москвы приехала с внучатами. Уже неделю как гостит. Чего-то у них там с зятем не заладилось. У нас с мужем хоть и двухкомнатная, а на всех места маловато. Решили, что дочь с детьми пока здесь поживёт...

— Поня-ятно, — протянул Батько и устало опустил на стул рядом с хозяйкой.

И вправду: беда одна не приходит. Ещё неделю назад у него была работа, теперь вот еще из квартиры выселяют. Разом забылась радость поездки. Дав кредитом краткосрочную передышку, на него опять навалилась судьба-злодейка — платить по счетам за право в своей беспечности быть счастливым ещё никто не отменял. Казалось,

минуту назад он был полон сил, строил новые планы, а теперь...

Вот так всегда с хозяевами квартир — сначала выискивают что-то, придираются к мелочам, раздувают до размеров слона ничего не значащие пустяки, высасывают из пальца проблему, а потом бац! — и будьте любезны — освободите занимаемую жилплощадь. Хорошо если истинную причину укажут, а то могут и просто за порог выставить без каких-либо объяснений. Уж он навидался всякого. Не одну съемную квартиру сменил, не первый город...

— Когда съезжать-то? — обреченно спросил Сергей. Из опыта он знал: спорить и доказывать своё бесполезно — договор о найме квартиры был устным, но выцыганить ещё недельку к сроку платежа попробовать стоило. Сергей мысленно собирал аргументы в свою пользу. «Какое сегодня число?» — Сергей взглянул на отрывной календарь на стене — високосный 2000-й год на дворе. На нём значились давно ушедшие солнечные майские деньки, напомнившие о вселении в квартиру.

— Сегодня вечером надо освободить... — убила ответом хозяйка, словно обухом по голове.

— Как сегодня?! — ошарашенный Сергей вскочил со стула. — По договору оплата двадцать пятого каждого месяца! Сегодня только девятнадцатое.

Хозяйка была готова к такому повороту и выложила на стол пять примятых в кармане новых сторублёвок.

— Долго вы по своим командировкам мотаетесь — вот времени и не осталось, — тон её изменился, она говорила запальчиво и нервно, будто нарочно накручивала себя, опасаясь, что может поддаться доводам, — вещи можете пока у нас подержать. Что же мы, не понимаем, что ли? Будете уходить — стукните соседке, она закроет.

Скоро накинув на плечи не по погоде лёгкий драп заношенного пальто, она стала торопливо просовывать узловатыми пальцами непослушные пуговицы, большие и выпуклые, не в тон пальто, они не желали пролезать в маленькие петли. Когда хозяйка справилась — пуговицы тарасили новенькие блестящие глазки, словно удивляясь занятому не своему месту. Клавдия Николаевна прикрыла за собой входную дверь. После её ухода в квартире стало тихо, напряжение повисло в воздухе, будто сте-

ны сами изгоняли его. А ведь за три месяца, что прожил здесь, Сергей уже начал мысленно называть это место домом... Угрюмой и чужой стала мебель — хромой на одну ножку обеденный стол, старинный сервант, выкрашенный когда-то давно пожелтевшей уже, местами облупившейся белой краской. За грязноватым стеклом — пыльные стопки надтреснутых тарелок и фарфоровых кружек с потемневшими от времени сколами, на стене — три шкафчика с полагающейся кухонной утварью... В углу вздрогнула, забухтела старая «Бирюза» и вывела Сергея из охватившего его ступора. Отсутствующим взглядом он обвёл кухню, задержался на затарактевшем холодильнике, потом выше — на настенных часах. Под пыльной крышей с маленьким окошком, за которым отродясь не было кукушки, резные стрелки, вздрогнув на мгновение, выложили на циферблате без четверти семь.

Мозг отказывался соображать, что теперь делать, куда ему идти, тем более что идти ему было все равно некуда. Машина с его друзьями сейчас колесила, наверно, по трассе в сторону Питкяранты. В Петрозаводск Сергей переехал из Казахстана меньше полугода назад и ещё не успел обзавестись приятелями, настолько близкими, когда можно было без стеснения попроситься на ночлег. По-прежнему пребывая в каком-то тумане, он запихал в карман оставленные хозяйкой в качестве компенсации коричневатые бумажки. На автопилоте вытащил из кладовой огромную спортивную сумку, долго и бесцельно смотрел на сложенную в нее стопку одежды, перебирал в голове, что ему взять. Побросал в рюкзак кое-какое барахло, затем вытряхнул. Снова перебрал. Остальное задвинул обратно в кладовку. Оглушенный новостью, он делал это на автомате — выполнял простые механические движения: щётка, зубная паста — в рюкзак; рубашка, футболка — в рюкзак; дневник, книга — в рюкзак... Идти было некуда, поговорить не с кем. Одно ясно — надо уходить.

На улице в одночасье нагрянула зима, к концу дня город основательно присыпало снежком и слегка подморозило, а вечером всё стало подтаивать. Под ногами с легким, приятным уху хрустом колосся тонкий, чуть размякший ледок тём-

ных луж. На непокрытую голову опускались редкие снежинки, таяли и влажным холодком шекотали лицо, словно непогода догоняла их с самого Куганаволока, принеся в еще не остывший от октябрьского солнца город первые симптомы зимнего озноба. В вечернем свете уличных фонарей серебрился тонкой наледью тротуар, кутаясь от зябкого гиперборейского ветра, спешили прохожие, опасливо ступая по скользким островкам. Сумрачный город оживал редкими однотипными витринами круглосуточных магазинчиков, светом фар проносившихся мимо машин, шумом колёс по разбитым дорогам. В здании бывшего кинотеатра «Искра», а нынче — в увеселительном заведении с предостерегающей вывеской «Flash», словно служившей предупреждением, что «из искры может возгореться пламя», грохотала музыка. На крыльце, ёжась, призывно отстукивая на морозце каблучками, выставя напоказ ножки в мини, озорно смеялись девицы, игриво выпуская изо рта тоненькие струйки дыма вперемешку с паром. Из приоткрытой двери плыла «Flash In The Night» — их любимая с Аней песня «Secret Service».

Сергея с головой накрыли эмоции. Он не сразу обнаружил на осеннем морозце две жгучие бороздки на щеках — не сразу поверил, что с ним может случиться такое. Да и не было этого с ним раньше, разве что в детстве, и то от обиды. Он вспомнил, как заливался горячими слезами от бессилия что-либо сделать, когда в садике мальчишки из старшей группы рвали у него на глазах отобранную любимую открытку с изображением крейсера «Аврора». Так то было в садике. Даже смешно стало от этих воспоминаний. Сейчас-то чего?! Руки, ноги целы, и голова на месте. Да и черт с ней, с этой квартирой, конторой, тем более что друзья-коллеги по лесному бизнесу обещали его пристроить по профилю. Будет работа — найдётся и жильё. Украдкой, чтобы никто из прохожих не заподозрил его в секундной слабости, он смахнул невольные слёзы. «Думать нужно, где работу искать, — выругал он себя, — а не нюни распускать!» Он вспомнил о новых друзьях. Где они его найдут? Где теперь их искать? В Питкяранте? На бывшей съёмной квартире? Знать бы, где он теперь остановится, — так передал бы для них через Ивановну записку с адресом. Звонить тоже было некуда. «Наша машина — офис. Проверим делянки и через пару дней вернёмся за

тобой», — сказали ему на прощание ребята. Из его нынешних знакомых мобильный мог себе позволить только Олег Вениаминович — связь не из дешёвых удовольствий. В общем, полная... как говорится, фрустрация. Сергей вычитал это слово в одном из словарей по психологии. Оно нравилось ему своей научной беспристрастностью, даже отстраненностью. Оно не кричит и не ругается, а всего лишь нарочито спокойно, культурно констатирует факт. Однако за этой напускной интеллигентностью безошибочно читается, что вы находитесь в глубокой...

Ноги сами шагали по подмёрзшему асфальту, навстречу чужим, восковым от холодного света фонарей лицам. Внутри пусто. Словно ни души вокруг, будто, как раньше, оказался на другом конце земли, на другой параллели — в далёкой неприветливой казахской степи, посреди заснеженной стыни. Из темноты улицы вдруг вынырнул знакомый силуэт. Высокий, атлетическое сложение, уверенная и чуть пританцовывающая походка... Сергей даже от неожиданности оторопело остановился. Сердце бешено ухало: откуда он здесь?! Вот еще совсем чуть-чуть, буквально десять шагов... Семь, шесть, пять... Сейчас он ступит в ореол уличного фонаря, и... Нет, вроде не он. Почудилось?.. Хотя очень похож. Сергей ещё некоторое время с ускользающей надеждой всматривался в лицо приближающегося человека. И впрямь, откуда ему здесь взяться?! Женька, лучший друг... Иногда хоть волком вой, хоть в чуждеса верь — до жути нужно увидеть родное лицо. Но нет. Сергей разочарованно выдохнул. Он вспомнил их последнюю встречу тёплым майским вечером...

— Похоже, Серёга, мы больше никогда не увидимся, — сказал Женька непривычно серьёзно и печально.

— Да нет! Не может этого быть! Не на разные же планеты разъезжаемся, — попытался отмахнуться кореш.

— Ты вон в Россию едешь, а я через месяц — в Германию, — возразил Женька с грустью в голосе.

— Эка дело! Всё равно 9 Мая будем праздновать вместе, только в разных странах, — Сергей хихикнул, легонько хлопнул по плечу своего старинного друга.

Женька выдавил подобие улыбки.

— Ты не понимаешь. Мы разведемся и забудем

друг друга. Я ведь не знаю, куда тебе писать, я даже своего адреса пока не могу тебе оставить! — обречённо развёл он руками.

— Ну, во-первых, у тебя есть номер украинского телефона моих родителей. Как определишься у себя на дойчланде с адресом — позвонишь. Во-вторых, я, наверное, сам к тебе на ПМЖ скоро приеду. Примешь? — пытался шутить Сергей, стараясь казаться беззаботным и встряхнуть друга.

— Конечно, приму, — с энтузиазмом кивнул Женька, улыбнувшись, а глаза его на мгновение зажглись теми глянцевыми проспектами, которые обещали сытую и спокойную жизнь в надраенном до блеска старинном европейском городке на исторической родине. — Ты правда так решил?

— Пойми, Жека, я еду со своей бывшей родины Казахстана, ставшей мне мачехой, на нашу, тоже бывшую, но общую для всех республик родину — Россию, которая меня забыла здесь, оставила на произвол судьбы, то есть — кинула. Где гарантии, что и там я буду чувствовать себя дома? Сечёшь, о чём я говорю — родина Казахстан у нас у обоих бывшая, и только ты из нас двоих едешь на родину новую. Улавливаешь разницу? В Германию тебя приглашают, а меня там никто не ждет. Сам еду, по зову сердца, и услышат его там, этот зов, примут ли — вот вопрос!

— Да ну тебя, — Женька недовольно сморщился, — вечно ты со своей философией...

«До отправления поезда номер ... «Караганда — Москва» остается ... минут! — донесли обрывки фраз из динамиков. — Повторяю: до отправления поезда ... Москва ... пять минут!» — силился перекричать динамик шум перрона, как от восточного базара.

— Кажись, твой, — снова погрузился Женька.

Они пожали друг другу руки, крепко, по-мужски обнялись. Сергей с лёгкостью закинул на плечо объёмную спортивную сумку — память о сборной по плаванию, в которую когда-то входил, — заскочил на подножку вагона. Поезд тронулся. Над неугомонными кочевниками-горлопанами, суетливо снующими с баулами и тележками по перрону, возвышалась неподвижная, высокая, статная фигура его друга: светлые волосы, голубые глаза, широкие плечи. «Точно, блин, ариец! Как я этого раньше не замечал? Так раньше никто и не делил себя на казахов и русских, немцев и

евреев...» — сам мысленно ответил на свой вопрос Сергей и на прощание махнул рукой.

Белые мухи садились на куртку Сергея. В плечо кто-то резко толкнул.

— Чего встал? Не обойти. Тротуар слишком широкий?!

Словно нарочно, не желая менять траекторию движения, прохожий задел его своим плечом и остановился. В свете фонарей Сергей хорошо разглядел серые злые глаза, тяжелый взгляд исподлобья, в нос резко ударило полынно-горькое водочное дыхание. Где он видел эти глаза?.. Прохожий выжидающе уставился на Сергея.

— Извините, — тот не хотел связываться, не то было у него настроение, другая стояла задача, хотя внезапно нахлынувшей злости теперь хватило бы на четверых. Он почувствовал её сразу, как только те серые глаза взглядом одним пихнули его остро, больно. Его наполнило злобой доверху, она была готова, вспыхнув, политься через край, слепая, сжирающая всё вокруг ненависть. Будто случайный прохожий запустил своим плечом какую-то программу, взвёл пружину. Не расплескать бы эту злость по пустякам. Злость свою беречь надо — пускать в нужное русло. Это Сергей давно усвоил. Тратить начнёшь почём зря, в ещё большую беду угодить можешь. Для начала надо устроиться, а потом, попадись ему эти глаза ещё раз, можно будет и поучить уму-разуму.

Эту часть Петрозаводска, куда его занесло, он знал неплохо. Улица Чапаева должна вывести его сначала к автовокзалу, затем — под железнодорожный мост, потом направо — к вокзалу железнодорожному. «С моим казахским паспортом только на вокзал — к ментам поближе, — мысленно усмехнулся Сергей. — Что же делать? Мне бы хоть ночь эту где-нибудь перекантоваться. Позвонить Олегу Вениаминовичу? У него в офисе места навалом. Охраны никакой. Может, на ночь охранять пустит?.. Надо было хоть чаю попить, пока в квартире был». Словно в поддержку этой идее из темноты материализовалась телефонная будка. Ветер усилился. Ещё неделю назад в городе не было и намёка на зиму, а сейчас стёкла будки запорошило колючим хрустким снежком. Внутри было промозгло. Снаружи гудел пронизывающий северный ветер. Сергей

снял трубку, послушал, есть ли гудок, достал карточку, долго вертел её в руках, словно колеблясь. Затем решительно вставил в щель аппарата и набрал номер. Пошёл длинный сигнал...

— Алё, Олег Вениаминович?

— Да, слушаю, — трубка отозвалась подвыпившим с хрипотцой голосом.

— Олег Вениаминович, это Сергей Батко... Тут такое дело, — он замылся, вдруг понял, что звонит напрасно, но делать было нечего, к тому же лучше получить отказ и отместить этот вариант навсегда, чем жалеть о том, чего не предпринял, — нельзя ли мне на эту ночь у вас в офисе остановиться, поохранять, а завтра утром...

— Нет! — рывкнула трубка.

— Вот же гад! — сквозь зубы вырвалось у Серёги, и, не дожидаясь стопа гудков, он бросил её на рычаг.

А, собственно, почему гад? Расстались они не лучшим образом. Охраны в офисе нет. Кто его знает, что у него, у Серёги, на уме? А как начал разговор: «Нельзя ли мне на эту ночь...» Тьфу! Конечно, нельзя! Правильно, что уволил! Кто так ведёт переговоры?!

Из будки на пронизывающие северные ветра выходить не хотелось. Сергей положил карточку в карман, подышал в озябшие ладони. Вот же блин — и перчатки в квартире оставил! Он прислонился спиной к телефонному аппарату и прикрыл глаза. Надо было обдумать, что делать дальше. В кармане у него, кроме тех пяти сотен, что вернула хозяйка, лежало ещё ровно столько же. Могло быть и больше, не согласись он на поездку с ребятами в карельскую глубинку. Выпивка, бензин, то да сё... Но главное, между дел, ему ведь тогда посулили через пару дней дать в единоличное управление делянку. И он, доверившись, наступил на очередные грабли! Откуда такая наивность?! Ведь уже тридцать годков не за горами, уже не в первый раз огребают. Смешно было поверить едва знакомым людям. Башкой надо было думать: какой резон им пускать чужака в свой бизнес, с какой стати? Да, пригласили его на рыбалку — всяко дешевле дорога обойдется и какая-никакая компания. Ищи их теперь свищи — ни телефона, ни адреса.

«Рассчитывать на помощь других, даже самых близких тебе людей, нужно с оглядкой, — в который раз Сергей пытался уверить себя. — Люди тогда идут к тебе на помощь, когда ты

сам со всем справляешься. Людям нравится помогать удачливым, успешным, приобщаться к успеху других и, таким образом, самим быть на высоте, по крайней мере, в собственных глазах. А тебя выгнали с работы, что-то успехом здесь не пахнет», — отчитывал он себя. Сергей пошелестел в кармане бумажками. Этих денег, если не есть или обходиться самой малостью, например бич-пакетами, хватит максимум на три недели в общаге. За это время ему надо будет решить вопрос с работой.

Ветер усилился и с воем цеплялся за верхушки деревьев. Дверь телефонной будки хлопывала, подпуская внутрь холодного воздуха. Сергей снова попытался согреть ладони. Поднял глаза, вглядываясь в освещенное фонарное застеколье. От края до края, будто повторяя линию жизни на его ладони, по стеклу шла толстая изломанная трещина. «Жизнь дала трещину, — пронеслось у него в голове. — Это мы ещё посмотрим, у кого и что там дало!» — зло буркнул он себе под нос и открыл настежь дверь.

8

Когда Сергей приближался к зданию железнодорожного вокзала, ветер поутих. Злость помогла ему взбодриться, и он вспомнил о семейном общежитии для сотрудников железной дороги здесь неподалёку. «Пойду попробую, — решил он, — не идти же на вокзал в комнату матери и ребёнка». На предпоследнем, четвёртом этаже общаги располагались отдельные номера для командированных, о чём сообщалось неровными буквами на листе бумаги, прищипленном к двери над прорезанным в филёнке окошком дежурной по этажу.

— У нас только для командированных! — Дежурная по этажу — «этажерка», как дразнили их ребята в спортивном лагере, — выглядела строгой и неприступной.

— И много командированных нынче к вам занесло? — включая обаяние, Сергей широко осклабился. Манёвр не удался. Перед ним по-прежнему сидела «этажерка», а не симпатичная женщина сорока-сорока пяти лет. Правда, вряд ли ее можно было назвать красивой, да и не привлекали Сергея женщины старше его.

«Этажерка», сунув в рот дольку шоколада,

шумно отхлебнула из гранёного стакана дымящегося чаю. Надо было срочно менять тактику. Сергей заглянул в окошечко и пошарил глазами по маленькому столу, уставленному упаковками печенья и шоколада — видимо, подношениями постояльцев. В сторонке, на груде бумаг и папок, он заметил грязноватую картонную табличку, на которой значилось: «Вас обслуживает...»

— Лидия Николаевна, — с надеждой выпалил Сергей.

— Если вы к Лидии Николаевне, то она будет завтра, — даже не подняв глаз на посетителя, лениво отбрила «не Лидия Николаевна».

— Если откровенно, ваша Лидия Николаевна мне ни к чему, — не сдавался Сергей. — В таких деликатных вопросах она, между нами говоря, не понимает ничего, — он наклонился к окошку, понизил голос до доверительного. — А если серьёзно, то, кроме вас, мне обратиться совершенно не к кому.

Он сунул в окошечко бирюзовый паспорт гражданина Казахстана.

— Сами понимаете, на вокзале — милиция... Мне бы всего до утра... Потом... Я не командированный — квитанции не нужны... А как вас зовут?

— Зовут меня Любовь Петровна, — женщина наконец-то отодвинула стакан и с любопытством раскрыла паспорт. — Ничего себе, откуда к нам занесло! А где живёте-то?

— Где, где — в Караганде! — обычно это действовало на жителей не Караганды одинаково. Вот и на этот раз Любовь Петровна весело рассмеялась. Сергей ликовал: есть контакт!

— Вообще-то, у нас не положено. Только с разрешения руководства, — она испытующе посмотрела на Сергея, кажется, даже с симпатией. — Ну да ладно, разве что на ночь.

Из-под вороха бумаг женщина достала стопку бумажек на скрепке. Заглянула в паспорт, перевела взгляд на бланк квитанции, а потом и на Сергея. В глазах читался вопрос.

— Не надо этой писанины! — махнул рукой Сергей. — Говорю же: я не командированный.

— С вас тридцать пять рублей, — Любовь Петровна улыбнулась новому постояльцу, словно это был старый знакомый. — Я вам адресок чиркану одного местечка, там и дешевле, и бумаг от начальства не надо. Тут у нас переночуете, а завтра утречком туда пойдёте. У нас действительно с

этим очень строго. За разрешением надо идти в железнодорожное училище, потом волокита...

Любовь Петровна написала адрес и протянула бумажку Сергею вместе с ключом.

Комната встретила традиционным для советских общежитий аскетизмом, привычным Батько ещё со времен спортивных сборов: две сетчатые кровати, в углу — шкаф. Свежевыкрашенная оконная рама распространяла повсюду едкий запах растворителя, бензола, керосина и ещё бог весть чего, что могло входить в состав отечественной краски. Сергей приоткрыл форточку, впусив морозный ночной воздух, сдернул со второй кровати одеяло, аккуратно повесил вещи на спинку стула и нырнул в скрипучие объятия кровати под два одеяла. «Утром попою чаю. Сейчас главное — выспаться, завтра будет ещё тот денёк», — промелькнуло в отяжелевшей голове. И он провалился в сон.

9

Железнодорожный вокзал с восьмигранной башенкой, увенчанной шпилем и звездочкой в венке на конце иглы, остался позади. Сергей шёл вниз по проспекту Ленина по направлению к набережной Онежского озера. В Алма-Ате все было просто: за спиной ледовые шапки гор — идёшь «вниз», перед тобой высится хребет Тянь-Шаня — значит, направляешься «вверх». А петрозаводчане по непонятной для Сергея причине свой город в системе координат «верх-низ» не рассматривали. Для него же было очевидно: в Петрозаводске «верхом» являлся микрорайон Древлянка — он врезался девятиэтажками в массив леса, вынося границу города на относительную возвышенность, «низом» — Онего. Чего проще? Поэтому, когда он утром, перед уходом из общаги, спросил у Любви Петровны, правильно ли он её понял, что ему надо идти вниз, она недоумевающе посмотрела на него.

— Надо идти к набережной, к Онего, — сказала она и на всякий случай даже нарисовала на листке нужную ему часть городской уличной сетки с путеводными стрелками, указывающими, куда именно надо свернуть. На этом нехитром плане стрелка вела к обведённому карандашом прямоугольнику, обозначающему дом по адресу Куйбышева, 17.

— Вчера звонила девочкам насчет мест. Гово-

рят, места пока есть, но скоро заезд будет. Спортсмены какие-то приезжают. Лучше всего проехать на троллейбусе, идти далековато, — Любовь Петровна после ночной смены выглядела свежо, чего нельзя было сказать про Сергея. Голова, трещавшая от отечественной краски, напряжённо гудела трансформаторной будкой.

Свежесть морозного утра быстро прочистила затуманенную голову. Снега за ночь не прибавилось, а вчерашний успел потерять свою прежнюю белизну, ноздреватый и рыхлый с въевшимся крапом грязи, он лежал на пожухлой траве вдоль серого тротуара.

Денег было негусто, ноги давно привыкли к физическим нагрузкам, поэтому, не раздумывая, Сергей влился в серую массу спешащих пешеходов. Всё ускоряя шаг, он обгонял одного прохожего за другим. Утренняя улица гомонила сигналами клаксонов, шумом шин, шарканьем ног, людскими голосами. Мимо, урча электродвигателем, набирая ход, проплыл усач-троллейбус. Сергей даже не увидел, скорее болезненно ощутил свою непохожесть на окружающих его людей. Его внешность, одежда, манера говорить, двигаться — всё выдавало в нём чужака, «басурманина». Он даже вспомнил, как царапает его слух местное «пиисять», вместо привычного слова «пятьдесят». Отчего-то Сергей вообразил, что попал в старый монохромный фильм и что его роль — главная, представил себя со стороны — ему показалось, что он единственное цветное пятно оранжевого цвета, бесцельно мечущееся среди медленно бредущей массы людей цвета сепии, мимо этих угрюмых фигур, как доказательство его апельсиново-оранжевой чужеродности. Вдруг в голове что-то щелкнуло, звуки исчезли, словно кто-то резко выключил тумблер, он выпал из кадра. Ему показалось, что с кадра киноплёнки кто-то властной рукой вышвырнул его в темный, пустой зрительный зал, будто он может лишь наблюдать за этой жизнью со стороны. От осознания несопричастности миру людей, спешащих по своим делам, стало страшно. Медленно, как в замедленной съемке, в полной тишине двигались пешеходы, машины. Для Сергея всё перестало существовать. Его оглушил вопрос: зачем он здесь? Действительно, зачем?.. И с какой целью приехал сюда, в этот город, к этим людям? Чего

ищет? Никто тут в нем не нуждался, никто не ждал. Как нелепо оказаться одному посреди чужого города в окружении тусклых незнакомых лиц! И вовсе они не такие, эти люди, что живут здесь, какими он когда-то себе вообразил. Да что он мог понять за те семь дней, которые провел в Карелии прошлым летом?!

Сергей прокручивал в памяти кадры годичной давности: вот кружевной поток говорливого водопада Кивач, кижские маковки, как свечечки, в небо тянутся, вот улыбающиеся хорошенькие девчонки-студентки в скверике возле университета, приветливые, доброжелательные лица петрозаводчан. В том году чахлый «татарин» — КАМАЗ, нанятый им для перевозки рыбы, нуждался в ремонте. Пока в Петрозаводске перегружали тюки с замороженной рыбой на хранение и ремонтировали сам рефрижератор, у Сергея появилось время на непредвиденный, так сказать форс-мажорный, отдых. Тогда в ресторане «Северный» он познакомился с Олегом Вениаминовичем. Фирмач в белом дорогом костюме сначала показывал ему живописные уголки в окрестностях Петрозаводска, потом три дня отдыхали на его турбазе, а затем и на работу к себе позвал... Где теперь всё это?.. Сергей, словно в полусне, огляделся вокруг: прохожие, троллейбусы, дома... Невидимый оператор, будто в старом немом кино, медленно вращал ручку кинопроектора: всё есть — город, люди, только его там нет — он вне кадра. Его не видно, потому что его, Сергея Батько, нет в сценарии жизни этого города.

Стало трудно дышать, как говорится, нахлынуло. Он задыхался от злости и досады на себя, вляпавшегося в историю, на бывшего директора (а когда это начальство было хорошим?), что не пустил его переночевать. Злился и на Борю Шалаева, подставившего его с декларациями, на этих безликих людей, путающихся под ногами, на город с его унылой серостью, колючими ветрами и промозглостью. Наверно, из этого плена ему теперь никогда не выбраться. Отправить телеграмму родителям на Украину, мол, вышлите денег? Нет, Сергей не хотел казаться слабым. Сам заварил кашу с переездом сюда — вот теперь и расхлёбывай! Хватит самокопаний. Ещё будет время. Всё! Баста! Кажется, он сказал это в голос. Люди на улице оборачивались, смотрели на него.

Батько с усилием встряхнулся, напрягся, в голове немного прояснилось. Хватит! Итак, Петрозаводск, проспект Ленина, кафе «Кивач» — он снова был в «кадре». Голодный желудок затребовал завтрак.

— Кстати, о каше! — Сергей поднялся на крыльцо.

Посетителей было немного. Прихватив с барной стойки увесистую папку с меню, Сергей направился к столику возле самого входа. Дальше изучения меню дело не пошло. И хотя было немного стыдно перед хихикающими девчонками за соседним столиком, он всё же, отодвинув громоздкий фолиант с такими же «тяжелыми» ценами, выскользнул из зала, стараясь не привлекать к себе внимания. В этот день даже завтрак в «Киваче» был ему непозволительной роскошью — экономия превыше всего.

10

Дом номер семнадцать по улице Куйбышева оказался обыкновенным жилым домом. Сергей, уже готовый обрушиться на «этажерку» из общаги проклятья, не сразу заметил с торца дома ферму — конструкцию из железных прутьев. За решетчатой дверью лестница уходила вниз к следующей, уже капитальной двери, ведущей внутрь в цокольное помещение. Вывеска на двери гласила: «Спортивная база СДЮШОР». Знакомая аббревиатура показала Сергею знаком свыше. Как-никак удостоверение мастера спорта у него имеется! На входе, в углу, за полукруглой стойкой, освещенной едким электрическим светом настольной лампы, восседала неспортивного вида бабка. На коленях она держала маленькую собачку с нагловатой мордой в бородавках и глазами навывкате. Лопухие уши на обтянутом кожей черепе, подрагивая, чутко ловили звуки, долетавшие до цокольного этажа. Ни дать ни взять — Моська из басни. Может, от переполняющей её гордости и значимости, а может, от сырости в помещении, коричневое тельце моськи мелко дрожало. При появлении Сергея она вскинула тонкие лапки на стойку. Тельце затряслось ещё сильнее, выбивая темными коготками морзянку по отполированному годами и людьми дереву. В помещении стоял полумрак. Сергей подошёл ближе к сидя-

шей за стойкой женщине. Свет настольной лампы не то чтобы бил в глаза, но мешал разглядеть хозяйку. Раздался простуженный голос с нотками недовольства:

— Быстрее, дверь закрывать надо. На улице холодно.

Из темноты в ореол света от настольной лампы вынырнула женская фигура. Худое, вытянутое лицо в родинках с большими рачьими глазами вопросительно уставилось на гостя. «Правду говорят: хозяин выбирает собаку себе под стать», — подумал Сергей, но вслух сказал:

— Мне бы место одно... Сколько стоит проживание?

— Проживание стоит двадцать рублей, а место я могу дать только на двое суток. — Синеватые губы со следами красной помады поджались, превратившись в веревочку.

— Согласен, — в нетерпении выпалил Сергей. Стоимость гостиничного номера поражала своей гуманностью. Он отдал бы и больше, лишь бы прекратить на сегодня мытарства и дать отдохнуть ногам, но главное сейчас — это горячий чай. Бабка поставила собачку на стойку.

— Маленькой холодно? Постой немного здесь, Эльзочка, маме надо работать, — с собакой она обходилась необычайно нежно. Не спеша бабка достала из небольшого сейфа, стоящего тут же в углу, стопку квитанций и, пока «мама» бесконечно долго водила шариковой ручкой по листку бумаги, Эльзочка репетировала цирковой номер — на холодной поверхности стойки отрабатывала коготками то ли чечетку, то ли чарльстон. В другой ситуации эта картина заставила бы Сергея расхохотаться, но теперь он лишь вяло улыбнулся. Наконец в обмен на его кровных два червонца, тут же запертых в сейф, он получил вождельный листок. Квиток этот протянули ему очень бледные узловатые пальцы с остатками изрядно облупившегося кроваво-красного лака на острых грязноватых ногтях. Затем лицо вновь ушло в тень, подальше от теплого света лампы, а худые вампирские пальцы, вцепившись в дрожащее тельце Эльзочки, утащили собачонку за стойку.

— Чего только с голодухи не привидится, — хмыкнул себе под нос Батько.

— Комната номер четыре. В комнате электроприборами не пользоваться. Ключ всегда оста-

ётся у меня. Занимайте любую свободную кровать, — раздался инструктаж из полумрака.

На пороге комнаты Сергей замер и даже чуть присвистнул. Обстановка её во многом объясняла мизерность цены. На пятнадцати квадратных метрах или около того умещались шесть двухъярусных кроватей, четыре стула, в центре стоял большой обеденный стол. В зарешеченном под самым потолком окне виднелись голые прутья кустов и асфальтированная дорожка, по которой прогуливались чьи-то лишённые туловища ноги. Сергей занял последний свободный нижний «плацкорт». Сходил дальше по коридору в туалет, набрал из умывальника воды. Долгие частые скитания по сборам и командировкам приучили Сергея быть самостоятельным, дисциплинированным и всегда иметь при себе кипятильник вопреки воплям «этажерок». В пластмассовом стакане с плотно прилегающей к краям крышкой он заварил китайскую лапшу — «бич-пакет», в стеклянном гранёном — чай. Нет ничего лучше обжигающей горячей еды после холода улицы в тепле обрётённого жилища! Сергей откинулся на кровать и, закрыв глаза, блаженно потянулся.

— Молодой человек! Молодой человек! — кто-то настойчиво тряс Сергея за плечо.

Он с усилием открыл глаза. Где он?! Прямо над головой тяжело выгибается провислая железная сеть. В чешуйчатых ячейках торчит посеревший от времени полосатый матрац с жёлтыми разводами сомнительного происхождения. Пытаясь стряхнуть с себя остатки сна, Сергей приподнялся на локоть и вздрогнул сначала от неожиданности, потом от испуга — над ним нависло лицо «этажерки». Вытаращенные глаза, казалось, буравили его насквозь. На рыхлом носу и левой щеке красовались две огромные бородавки с кустами растительности. Не каждый день вот так воочию увидишь страхи из своего детства, локоть сам собой соскользнул, и Сергей уронил голову на подушку — кровать жалобно скрипнула.

— Молодой человек! Я говорила, электроприборами не пользоваться, а у вас — вот, — бабка указала на изрезанный и поцарапанный предыдущими постояльцами стол с лежащим на нём кипятильником.

— Да-да, сейчас уберу, — скороговоркой пробубнил Сергей, портить отношения с дежурной гостиницы в первый же день ему было ни к чему.

Победно вскинув сухонькую головку на тонкой длинной шее, она индюшкой с птичьего двора выплыла из номера. Сергей глянул на наручные часы — было без четверти семь. Чёрный прямоугольник окна определённо не мог подсказать время суток. С улицы доносились неясные звуки, а ещё чавканье колёс проезжающих машин. Он тряхнул тяжёлой, словно набитой влажной ватой головой, потёр виски.

В коридоре послышался гомон, шаги. В дверь вошли двое в кожаных куртках с меховыми воротниками. Судя по их запорошенной снегом одежде, в город действительно наведалься зима и холода простоят долго. Парни, казалось, не видели Сергея или не хотели замечать, они вели себя как хозяева. Сняв намокшую одежду и стряхнув подтаявший снег, ребята вытащили из-под своих кроватей большие сумки и стали выкладывать на стол банки с консервами. Только теперь Сергей заметил притуленную в самый угол полированную машину шкафа совдеповского образца. Железная спинка кровати упиралась в фасад шкафа и загоразивала его добрую половину, поэтому для удобства дверцы были сняты и вещи висели на виду, как есть, на тремпелях.

Соседи никакого интереса к Сергею не проявляли, пришлось брать инициативу в свои руки — он представился. Даже предложил услуги своего кипятильника — надо было как-то налаживать с соседями отношения. В ответ ребята сухо поздоровались, а на кипятильник даже не взглянули. Сергей не стал настаивать: кто этих карелов поймёт?! Вечно молчаливые, сами себе на уме. Он уже успел познакомиться с карельским колоритом, но пока было сложно определиться, как вести себя в той или иной ситуации, когда общаешься с местными. Вот и сейчас он в полном, как говорится, игноре! Про себя Батько решил благоразумно молчать и наблюдать за соседями, а там видно будет.

Тем временем на полу появилась маленькая электрическая плитка, изрядно закопченная алюминиевая кастрюлька на пару литров с чёрнущими от гари боками. На газетке, растеленной рядышком, лежали приготовленная морковь, несколько картофелин, лук,

сало, чеснок. Молчаливые соседи работали слаженной командой, в которой каждый знал своё место и обязанности. Казалось, они понимают друг друга без слов. Скоро в кастрюле забулькала вода, выталкивая со дна на поверхность нарезанные овощи — поварам к осмотру. Непричастный к этому действию, вконец оголодавший Сергей со стороны замороженно наблюдал, как, приняв жертву из щепотки риса и макарон, вода, затихнув, через пару минут вновь требовала угощения. В ход пошёл пакет с приправами из суп-набора. В этот момент было во всём этом какое-то волшебство — в ловких движениях ребят, в булькающей симфонии кастрюли, в ароматах готовящейся еды. Желтый свет сиротливой лампочки Ильича вместо ramпы освещал импровизированные театральные «подмостки» с электроплиткой, отчего в убогой комнатухе воцарилось даже некое подобие домашнего уюта.

«Сейчас точно бабка придёт. Не отбило же у неё обоняние?.. Даром у неё моська на коленях — таможня. Как ребята выкрутятся? У меня вон — кипятильник, а тут настоящая кухня. Предупредить бы...» — подумал Сергей, но, памятуя хмурую молчаливость соседей, вслух не сказал.

Его позвали к столу. Что ж, на такой случай у него, как говорится, было...

Ещё утром Сергей, пожертвовав частью своего выеденного молью бюджета, купил поллитру «Онежской», её и выставил на стол. Соседи заинтересовались, взглядом смирив бутылку, потом Сергея, переглянулись между собой, мол, это мы удачно его пригласили, и наскоро закончили нехитрую сервировку. Сергей понял: бутылка эта как нельзя лучше подходила под определение из словаря Даля — апрапо.

— Что за раствор?

— Чистая водка! — заверил Сергей, он не разобрал, кто именно из ребят спросил, но юмор оценил.

— Сейчас палёнки много. Не отравиться бы. — Оказывается, никто и не думал шутить.

— Слушайте, а бабка ничего не скажет? — Сергей наконец задал так беспокоивший его вопрос.

— Тёща, что ли? Нет. Мы изредка снабжаем её конфетами. Здесь так: кто шоколадку при-

носит, кто конфеты, — ответил один из парней, деловито проверяя содержимое кастрюльки.

Он был сухошав, с вытянутым апатичным лицом и потухшими глазами, будто ему всё равно. Звали его Кирилл. Сергей сразу просёк, что он легче идёт на контакт. Его товарищ — Тимофей, среднего роста крепыш — казался угрюмым. Нижняя губа его была чуть вывернута наружу, отчего лицо его выглядело насупленным.

— Оброк, значит. А почему «тёща»?

Кирилл неопределенно пожал плечами, пожевал вялыми губами:

— Ну... Все так называют. Нам её прозвище по наследству передалось — от предыдущих жильцов.

— Не женат? — вдруг спросил долго отмалчивавшийся Тимофей. Даже Кирилл немного удивился, вскинув брови.

Сергей отрицательно покачал головой.

— Потому и Тёща, — как-то невпопад резюмировал Тимофей.

— У нас всем клички дают, — Кирилл медленно, будто нехотя снимал капроновые крышки со стеклянных банок с разной степенью наполнения. Над столом поплыл заманчивый аромат рыбных консервов. Домашние! Это тебе не бич-пакеты с резким островатым призывным запахом, бьющим в нос. Здесь совсем другая музыка! Сначала тёплым бризом немного водорослей, чуть кислинки полунамёком о помидорном лете, и вот вступают оттенки приправ — тут уж кто на что учился: лук, чеснок, мускатный цвет, гвоздика, лавровый лист, петрушка, базилик, чабер, фенхель, перец душистый, розмарин, Melissa, бедренец-камнеломка, карри...

Сергей понимал толк в еде — в их семье кулинария, как настоящее искусство, была в почете. Почувствовав рыбный аромат, он завопил носом: кажется, сижок? Камбала!

— И тебе кличку дадут тоже! — без тени сомнения, словно о неизбежном, сказал Кирилл.

Батько не любил клички и всех знакомых принципиально звал только по имени, но прежде времени устоявшимся правилам возражать не стал.

Тем временем Кирилл развернул на столе бумажный сверток с пятнами от жирных разводов — там царственно возлежали крупные, сочные куски балыка благородного желтова-

то-оранжевого оттенка, а рядом — приплюснутый шматок палтуса холодного копчения.

— У нас даже Критик есть, — продолжал Кирилл, нарезаая ломтики рыбы.

— Критик? — Сергей с любопытством посмотрел на собеседника.

— Да так... — заметив его взгляд, отмахнулся Кирилл. — Есть тут один... Из Пяльмы. Весь как ёж морской. Пишет чего-то. Кажется, Валентином зовут? — он вопросительно глянул на Тимофея — тот согласно кивнул.

Говорить об этом Валентине явно никто не хотел, и Сергей свои расспросы решил оставить на потом.

Выпили за знакомство. Выяснилось, что ребята работают на железной дороге помощниками машиниста, а приехали сюда из Беломорска на повышение квалификации. Кирилл говорил за двоих, иногда сверяясь взглядом с Тимофеем — тот кивал в ответ.

— А почему сюда вселились, ваша ведомственная общага куда цивилизнее будет. Я только оттуда, места там есть, — участливо сообщил Сергей. Он хоть ненадолго, хоть на время застолья хотел сблизиться с ребятами и даже доверительно рассказал, что его отец тоже работал машинистом на Карагандинском металлургическом комбинате. После таких откровений он был негласно принят ребятами если не в ряды железнодорожников, то почти что за своего.

— А что нам? — у нас командировочные: меньше потратим — больше увезём домой. Мы налички по полгода не видим, — невесело ответил Тимофей и налил всем еще по стопке.

— На следующий год нас обещали направить учиться на машинистов, — Кирилл глянул на товарища — тот согласно кивнул, — сюда хотим перебраться, в Петрозаводск.

— Чего здесь делать? — удивился Сергей, который уже понял, как здесь обстоят дела с работой.

— Как чего? Работать! — по мере убывания «раствора» в бутылке Тимофей чаще включался в беседу. — У нас давно с рабочими местами проблема. Пенсионеры, как клещи, на своих местах — не сковырнёшь их ничем, не вытравишь, — они довольно заржали своей шутке.

— Нет, правда, — говорил Кирилл, после ста граммов он стал чуточку заикаться, иногда проговаривать по нескольку раз одно и то же

слово, будто вспоминая утерянную нить разговора: — Работы... Работы мало или вовсе нет. Строительства жилья, жилья не ведётся вовсе. Не знаю, как здесь, но у нас, в Беломорске, одна часть молодых ждёт, когда уйдут пенсионеры, чтобы занять их рабочие места. Вторая... Вторая — когда вымрут старики, чтобы занять их квартиры. Остальные сами мрут от палёнки, — они снова заготовали.

После каждой выпитой стопки всё реже и реже Кирилл поглядывал за одобрением на своего товарища, пьяная смелость придавала ему уверенности в своих словах и ощущение внутренней свободы.

— Здесь, конечно, тоже не сахар, — снова включился в разговор Тимофей. — Про черных риелторов слышал, что народ спаивают или таблетками травят? Но у нас вообще жесть. Без их «помощи» город одичает — нюхачи да алкаши одни останутся, — он лихо намахнул из гранёного стакана.

Под водочку в ход пошли рыбные консервы.

— Попробуй, это тебе не фуфел из магазина. Дома-ашня! Сами ловим, сами консервируем, — в широко раскрытый рот он опустил двумя пальцами янтарный кусочек рыбы. Смакуя, пожевал. Сергей тоже насадил на вилку ароматный ломтик.

— Вот ты чем занимаешься?

Сергей от такого вопроса поперхнулся рыбой и кашлянул:

— В смысле, чем занимаюсь?

С некоторых пор это была его нелюбимая тема разговора. Выкладывать всю подноготную не хотелось, он надеялся выкрутиться, уйти от прямого ответа.

— Ну, где работаешь? — На него с любопытством уставились две пары глаз.

Вообще, Сергей Батько дал себе как-то зарок не врать. Он, конечно, не святоша, мало ли что может приключиться в жизни!.. Не везде дорога камнем вымощена. Не всегда напрямки по пересеченной местности ходить надо: где обойти болотце вынужден, где за кустом отсидеться придётся. Не так, конечно, как сделал это Боря Шалаев, но напролом не всегда идти можно — это понимать надо, иной раз и в сторонку отойти не мешает — отдышаться да оглядеться. Но и увлекаться враньём — всё равно что одежду с себя снимать в тёмной комнате:

рано или поздно кто-то включит свет на всеобщее обозрение. Именно про такое враньё он думал — когда щёки дуешь, напускаешь на себя важности, одним словом пальцы гнёшь. Впряжёшься в воз невыполнимых дел, наобещаешь с три короба, примеришь кафтан купеческий с чужого плеча... Стыдно смотреть в глаза людям потом. Случилась с ним пара таких историй — вспоминать тошно. А ещё страшнее в себя заглянуть. Что увидишь там? Кого встретишь? В темноте на ощупь идти всегда боязно до первого выключателя... В общем, понял Сергей, что быть самим собой гораздо труднее, особенно когда на людях. Но для себя решил: будь что будет, а арабесками украшать себя не станет.

— Лесом занимаюсь, занимался, — поправился он. — Сейчас работу ищу, — он опустил глаза.

Разлили по новой.

— Вот и тост родился! За твою будущую работу! Чокнулись, выпили до доньшка.

— А по профессии — тоже с лесом? — закусывая, поинтересовался Тимофей.

— По профессии, мужики, всё гораздо сложнее... Я бойскаут, — ребята недоуменно переглянулись и снова уставились на Сергея.

— Как это? — Кирилл даже взбодрился, вместо привычного оцепенения в его глазах промелькнул неподдельный интерес.

— Я учусь выживать... — только и успел ответить Сергей, как в дверь громко, настойчиво постучали.

Ребята от неожиданности умолкли. Тимофей замер с набитым ртом, так и не успев пережевать очередную порцию балыка, — настороженно выкатив глаза, он вопросительно уставился на дверь.

— Тёща? — шепнул Сергей и предусмотрительно сунул ополовиненную бутылку под стол.

Из-за двери донесся приглушенный девичий смех и возня.

— Мальчики, можно у вас плитку в аренду взять? — раздался кокетливый голосок, а потом ещё неразборчивый шепот.

— А, это девчонки из Апатит, тоже командировочные. Вчера вселились, — Кирилл глянул на Тимофея, тот, проглотив кусок, зазывно махнул рукой, будто приглашая гостей к столу.

— Войдите! — с какой-то особой торжественностью в голосе крикнул Кирилл.

Чуть позже пришел и Критик. Мрачный, нелюдимый, почему-то Сергей сразу понял, что это был он. Сквозь короткую стрижку жидких волос светился белой кожей череп, из-под щётки бровей на окружающих с недоверием битого людьми зверя смотрели тёмные глаза. Он молча прошёл в свой угол, лёг в кровать, лишь один раз грубовато с нотками раздражения и даже злости обратился к царившему за столом веселью:

– Тише можно?! Здесь люди спят.

Девчонки пригласили ребят к себе в комнату, на этом инцидент был завершён.

11

Утром, пребывая в тупом оцепенении, Сергей ещё долго лежал в кровати, изучая строгий сетчатый узор пружин над головой. Все его соседи давно разошлись по своим делам. Он с завистью думал, что у каждого из них было дело! После вчерашней вечеринки у него немного болела голова, а на душе скребли кошки. Сергей не знал, что ему делать дальше, и эта безнадёга ворочалась болью в груди. Можно было купить водки, но он знал – это пустая трата времени и денег. Лучше от выпитого не станет. Никогда не становилось от этого лучше. Он снова подумал о родителях, которые, конечно, его примут и помогут. Ему так захотелось опять испытать это чувство защищённости, уверенности и тепла, как тогда на курорте в казахском Манкенте...

Маленький Серёжа сидел у мамы на коленях, обнимая её за шею. Он еще не понял, что произошло, но рядом с мамой было спокойно и легко, будто весь мир вокруг него замыкали теплые мамыны руки. Мама – молодец, ей не было страшно – она сильная, лишь иногда украдкой, чтобы никто не видел, смахивала слезу, когда роняла взгляд на окровавленный бинт на его маленькой ножке. Он помнил всё: как обвалилась под ним земля и он ухнул в поток водопада, как, цепляясь за ветки ивы, до крови ссадил руки. Почти сразу он услышал тревожный голос мамы: «Серёжа! – звала она его. – Серёженька, ты где?» – ему было смерть как обидно, что не может откликнуться – вода заливалась ему в рот, и он только кашлял в от-

вет на спасительный призыв. Маленький, он из последних сил держался ручками за торчащий из воды железный прут. Его крутило бурлявым потоком, било обо что-то, накрывало волной, пытаясь отобрать у него, четырёхлетнего, его такую большую жизнь, а он боролся, отплёвывался от настырной упругости воды, хватал воздух ртом. Как же ему было обидно, что за хрипом и кашлем он больше не в силах выкрикнуть одно-единственное спасительное: «Мама!» Конечно же, она спасла его. Но потом они были уже вместе на волосок от смерти. Её затягивало илистое дно, но притихшего на руках, вцепившегося в неё сына она так никому не отдала, уже не смогла оторвать от себя. Их смогли вместе вытащить подоспевшие на помощь мужчины. Потом выяснилось, что год назад здесь затянуло под воду кого-то из отдыхающих и на это место опустили бетонную плиту, за её арматуру и держался Серёжа...

Больше всего сейчас ему хотелось того теплого маминого покрова, как в детстве, когда, что бы ни случилось, все неприятности таяли, стоило только маме протянуть к нему руки.

Когда ему порядком надоело вглядываться в ромбы металла и в кем-то обмоченный матрас на постели сверху, он стал смотреть в зарешёченное окно под потолком. На улице уже рассвело, и было видно, как по тротуару за окном вышагивают обутые в тёплое чьи-то ноги. Они тоже куда-то спешили, шагали по своему делу. Обладателей ног не было видно, они жили сами по себе, так он решил, и Сергей стал угадывать, к какому именно туловищу – женскому или мужскому – они могут принадлежать. Это оказалось не таким простым занятием – хорошо, если они были в элегантных сапожках на высоком каблуке, но многие ноги любили носить унисекс. Иногда ноги вели за собой малышкой – ещё совсем маленькие ножки и тела, укутанные до макушки в теплую одежду. Малышки видели всё, потому что находились ближе к земле и были намного любопытнее взрослых ног. Одна малышка в ярком берете и клетчатой куртке заметила его подземное убежище и даже его самого. Он видел, как девочка остановилась и улыбнулась ему, но торопливые взрослые ноги, дёрнув её за руку, потащили дальше.

«Может, написать об этом историю, – вдрут

подумал Сергей, и эта мысль чуточку согрела его, — об этих ногах, о туловищах, которые они потеряли и теперь слепо ищут их повсюду? А ещё о тупых головах на этих туловищах, — скептически хмыкнул он, — которые обвиняют потом автора в плагиате или в лучшем случае в филистерстве. Тоже мне Гоголь нашёлся! — он снова уставился на ненавистный матрац. — А почему, собственно, не написать! Как будто, кроме «носов» и «ног», больше не о чем писать?!» Повинуясь сиюминутному импульсу, он подскочил к столу, достал свой дневник, набросал пару идей. Прежние переживания исчезли, ему стало легко и свободно, казалось, его душа, обретя, наконец, свободу, вырвалась из плена его тела, из этого подземелья, где Сергей оказался, вдохнула свежего воздуха, готовясь излить всё, о чем так долго переживала, кого любила, чего ждала. Сергей, наслаждаясь давно забытым полётом, размял замлелые пальцы. Осторожно, будто боясь сломать грифель, взял карандаш. Долго размышлял над названием, с чего начнёт, и наконец коснулся тонким жалом карандаша белой шероховатой поверхности страницы...

В обеденное время в приподнятом настроении он выскочил на улицу прогуляться до ближайшей «Союзпечати», чтобы купить газету «Всё» — толстый «фолиант» с объявлениями. В голове его зрел план.

Как только он переехал в Петрозаводск, Сергей Батько был сражён тремя вещами: первое и самое приятное — менты здесь в основном были славянской наружности, а не исключительно казахи, как в Казахстане. Второе — печальное: менты везде одинаковые. Третье — полезное: оказывается, здесь ходила по ларькам газета-близнец алма-атинскому аналогу «Каравана». Даже шрифт заглавия был схож.

С газетой в руках он пролетел мимо очередной сменной бабульки-сторожа, не забыв на ходу приветливо поздороваться.

— Проживание будете продлевать? — крикнула она ему вдогонку.

— С удовольствием! А как же спортсмены?

— Мало их будет — места есть.

— Давайте я сразу за недельку заплачу!

«Кажется, попёрло! — подумал он, расставаясь с тающими наличными. — Теперь осталось найти работу».

Уже через пять минут Сергей с фанатизмом и жадной деятельностью насидевшегося без работы человека вчитывался в каждый заголовочек, каждое объявление... Слесари, водители лесовозов, менеджеры по уборке территории(!), мерчендайзеры (чего только не придумают!), охранники, переводчики с финского, большой спрос был на танцовщиц и «девушек от 18 лет для эскорт-услуг». После двухчасового штудирования спроса на рынке труда он пришёл к выводу: город П. с насюка, пожалуй, не взял бы даже легендарный анархист и до известной степени авантюрист Нестор Иванович Махно. А он, Сергей, всё же попробует! Стараясь мысленно настроить себя на позитивный лад, он выделил простым карандашом подходящие, по его мнению, объявления и стал аккуратно выписывать их в блокнот, особенно четко, с нажимом выводя адреса и телефоны. Объявления, где требуются охранники, оставил на самый крайний случай.

— Валентин! — Оторвавшись от газеты, Батько поднял глаза.

Увлёкшись, Сергей и не заметил, как вошёл Критик. Он пожал руку, сухую, крепкую, с будто дублёной шероховатой кожей. «Рыбацкая рука!» — подумал он и поймал себя на мысли, что испытывает особое уважение к новому знакомому. В последнее время ему часто приходилось жать такие руки. В офисе таких рук не встретишь. Вот и беломорские ребята тоже в море ходят. Сергей научился чувствовать этих людей, что-то было в них особенное, в манере говорить, двигаться... Пока он ещё не решил, что же именно, как это можно выразить словами, но всегда мог распознать исходящую от них особую уверенность, отличную от городских жителей философию жизни, словно видят её изнаночную сторону. С достоинством несли это знание, будто сами верили: сделаны они из другого теста.

— Работу ищешь? — Критик с иронией скользнул взглядом по исписанным страничкам открытого блокнота.

Сергей перехватил взгляд его цепких глаз, отчего-то ему стало неприятно, будто не в блокноте, а в голове у него пошарились. Прикрыв записи, он ничего не ответил.

— А меня без прописки никуда не берут. Не успел прописаться у себя в дом, всё как-то времени не было, откладывал на потом...

Сергей прикусил губу — а ведь Критик прав! Словно ушат ледяной воды плеснул! Как он мог забыть о прописке?! Кто его возьмёт без прописки, да ещё с паспортом гражданина другой страны?

Ошарашенный Сергей, помолчав, словно в пустоту спросил то ли Критика, то ли самого себя:

— Домой поедешь?

— Пока не решил, — откликнулся Критик. — Есть тут у меня одна «наколка» с пропиской. Попробовать надо...

Удивительно, но Критик, как говорили ребята, действительно оставлял о себе впечатление морского ежа. Его насмешливость, появлявшаяся в голосе, высокомерность, скрытая в уголках рта, взгляд, даже улыбка — всё кололо. Но за этим Сергей всё же сумел разглядеть человека неуверенного, боязливого. К тому же из-за больших, почти во всю радужку зрачков казалось, что в душе Критика навсегда поселился страх. Был он какой-то весь неудобный, угловатый, неудобный, ненадёжный, рядом с такими людьми чувствуешь себя тревожно — будто у занятой тобой ракушки стоит рак-отшельник: и пригласить внутрь нельзя такого гостя, и самому не уйти по делу — займёт твоё место.

— Газета свежая?

Батько кивнул, он уже догадался, к чему клонит его сосед.

— Она мне ещё нужна будет, — для чего-то сказал он, но протянул уже просмотренные листы.

Сунув в карман записную книжку, Сергей отправился на поиски телефона-автомата договариваться с работодателями о собеседовании. Прикрывая за собой дверь комнаты, он глянул на Критика — тот с головой погрузился в тексты объявлений. Сергей отчего-то вернулся и на всякий случай, если что-то потребуется, прихватил рюкзак со всеми своими пожитками.

12

Составленный после телефонных звонков список встреч Сергей освоил за три дня. Пока толку никакого. Если не считать только того, что отсутствие результата уже само по се-

бе результат. Хватаясь за любую соломинку, Сергей заливался соловьём на собеседованиях, но всё его красноречие в итоге обрывалось примерно следующим: «К сожалению, для привлечения иностранной рабочей силы нам необходимо разрешение от Министерства труда», потом ему сообщали о больших налогах за использование этой самой иностранной силы. По мере уменьшения списка надежда таяла, энтузиазм куда-то испарился, безнадёга заглывала его, парализуя желание хоть что-то делать. Уже на последнем собеседовании из списка у хозяина, судя по всему, выходца с Кавказа, Сергей не выдержал и вскипел:

— Хорошо заливать! У вас же на карах одни азеры разъезжают! Скажете, на них тоже есть «разрешение»? — он кивнул в сторону окна.

Там, на бетонированном пяточке, между только что выгруженными паллетами с коробками товара крутились три кара. Подцепив клыками поддон паллеты, они катили к амбару, похожему на гигантскую железную теплицу или капонир, и на время исчезали в его покрытой ржой, ненасытной утробе. Сергей случайно слышал хорошо знакомую характерную гортанную речь, когда проходил мимо бытовки рабочих, расположившихся на перекур. Зря, конечно, он так погорячился. Но уж больно обидно ему стало за себя — что, он хуже тех земляков этого директора, что ли? Лысина директора зарделась «тревожной» электрической лампочкой. С лица цвета золотистого изюма сползла восточная слащавость. Тёмным пламенем вспыхнули угольки глаз и, потухнув, оставили на лице свинцовую тяжесть с нервно пульсирующей жилой на лбу. Сергея под рёв разгневанного босса «торжественно» выпихнул охранник через запасную дверь прямо в пустынный дворик с оборудованной урной для курения. «Кажись, влип. Почему не через парадный вход?» — Сергей заподозрил недоброе.

— Чё ты сказал ему, братан? Я давно не видел его таким, — улыбнулся гнилым ртом под сломанным носом качок в форме. Спросил он это негромко, чтобы никто из случайных свидетелей не мог слышать его.

— Сказал, чтобы в туалет ходил чаще, а то его дерьмо начало в характер перерастать, — зло огрызнулся Батько.

— Гы-гы-гы! — ослабился качок. — При-

кольно! Надо запомнить. Шеф сказал поучить тебя немножко, — он легонько стукнул ногтями костяшками кулака о свою ладонь, — но я тебя не трону. Я этого урюка на дух не перевариваю! Но ты сюда больше ни ногой! — он ушёл как ни в чём не бывало, лишь за дверью раздавалось его довольное ржание.

Сергей тяжело вздохнул. Глянув на исчерканный лист блокнота с адресами и телефонами, вычеркнул последний адрес, перевернул страницу, где значились охранные конторы, снова вздохнул. Делать было нечего, и, сориентировавшись на месте, он зашагал по ближайшему адресу.

Организация оказалась солидной — с парком машин во внутреннем дворике, на боку некоторых сотрудников, одетых в фирменную форму, пристёгнута кобура. Над входной дверью значилась вывеска «Северная триада». Сергей подивился легализованному русско-китайскому преступному альянсу, но всё же вошел. Он давно привык к странностям в названиях фирм, чьи создатели, видимо, не совсем разбираются в значении слов. Что поделать, если знание родного языка не всегда идёт в ногу с предпринимательской жилкой, а занятие коммерческой деятельностью на постсоветском пространстве не предполагает образованности... В коридорах конторы царил рабочая суета: бегали рослые парни в форме, деловито спешили сотрудники офиса в белых рубашках и костюмах. Сергей наугад открыл первую дверь. Там в едкой духоте от пластиковых панелей стучали по клавиатуре компьютеров молоденькие девочки. Кто-то, оторвавшись от работы, скороговоркой отправил его «прямо — по коридору — вторая дверь — налево», снова пригвоздив свой взгляд к неживому окну монитора.

В коридоре он столкнулся со старым знакомцем — Игорем. Вот уж с кем не ожидал встретиться!

— Привет!

Игорь был ошарашен встречей. На его вытянутом от изумления лице угадывалась борьба, как будто он лихорадочно подбирал нужные слова, а к ним и соответствующую маску, не зная, как себя вести с Сергеем. И хотя длилось это пару мгновений, Сергей успел догадаться, что этой встрече его товарищ не рад. И затеп-

лившаяся было в глубине души надежда остыла, распаяя обиду, а за ней и злость.

— Слушай, замотались мы совсем с этими деланками, — начал Игорь каким-то извиняющимся тоном. — Только сегодня из Питкяранты смог выбраться. А Вадон так и сидит там до сих пор. Я думал к тебе сейчас заехать, а ты — вон где! — Он прикрылся деланной безукоризненной улыбкой.

Вообще, Игорь с самой первой их встречи в офисе у Олега Вениаминовича, куда он приехал с коммерческим предложением, вызывал к себе симпатию. Он мог расположить к себе: был приветлив, запросто мог поддержать разговор в компании, часто улыбался, беззаботно, широко, открыто. Потом они ещё встречались несколько раз и даже кутили у Сергея на съёмной квартире по поводу заключения сделки с его конторой. Сергеем тогда Игорь показался надёжным, поэтому искренне поверил в предложение работать с ним и с Вадиком, его компаньоном по бизнесу. И всё-таки Сергей ошибался.

Долгими часами обмозговывая ситуацию, в которую попал, когда остался совсем один в чужом городе, Батько мысленно готовился к тому, что рано или поздно он встретит старых приятелей. Сейчас он моментально сориентировался, спокойным голосом, но без дружеского тепла, как случайному прохожему, ответил:

— Я выехал из квартиры.

Игорь открыл было рот, чтобы прокомментировать эту новость, но тут где-то за спиной у Сергея обиженно гаркнули:

— Игорёха, долго тебя ждать?! Чего мобилу не берёшь?!

Сергей обернулся — в конце коридора стоял Вадик. Он тоже узнал Сергея.

— О! А вот и Вадик подъехал, — едко усмехнулся он.

— Привет, Серёга, — Вадик подошёл, поздоровались. Обменялись ничего не значащими фразами типа: «Как дела?» — «Нормально». Неловкость повисла в воздухе. Для всех эта встреча была нежеланной, но по старой памяти приходилось разговаривать.

Изображая занятость, Игорь достал из кармана брюк новенький телефон «Нокиа-310», миниатюрный, престижный, не то что огромные «Моторолы». Такую штучку Сергей видел только у Олега Вениаминовича.

— Связь плохая! — Игорь глянул в чёрно-белый монитор. — Глушат они её здесь, что ли? — он посмотрел на Сергея, мол, соврал немного — есть у меня телефон — ну и что? Его глаза ехидно заблестели.

— А ты что здесь, работу ищешь? — пойманный на вранье, Игорь, нагло глядя на Сергея снизу вверх, высокомерно выдал: — Ехал бы ты домой к ма... — он осёкся, не успев договорить, к кому именно советует ехать. Вадик предостерегающе пихнул его в бок под рёбра кулаком.

В душе у Серёги всё кипело.

— А ты, я погляжу, опередил меня. Нашёл? — с издёвкой, задрвав подбородок, спросил он. — Бывай, мелюзга — мне не до вас!

С трудом придушив в себе злобу, чтобы не тратить силы на перепалки, Сергей пошел по коридору, прислушиваясь к офисному галдежу за спиной, надеясь, что его бывшие друзья-приятели крикнут вслед какую-нибудь гадость. Как он хотел услышать от них что-нибудь нехорошее в свой адрес! В последние дни бешеный гнев частенько разрывал его, энергия требовала выплеска, но он сдерживал себя. Уж теперь он не упустит момента! Страсть, как чешутся кулаки! Уж он отыграется вволю за все свои несчастья! Хотя, если уж по существу, эти карельские парни-то как раз и ни при чём вовсе. Но в Батько всё клокотало: «Всё равно побью! Будет у меня гадёныш ходить чемпионом NHL — с выбитыми зубами! Работу ищешь? Ехал бы ты домой к... К кому?» До Сергея вдруг дошёл смысл недоговоренного, обидного, за что не прощают. У нужной для него «второй двери налево» он резко обернулся, собираясь было догнать обидчика. Но Игоря и Вадика в коридоре уже не было...

Когда Батько вернулся в гостиницу, сумерки вынудили его щелкнуть включателем лампочки. Тусклый свет осветил комнатушку. Хотелось посидеть спокойно за столом и подумать. Поглядывая на Критика, Сергей наблюдал, как взгляд Валентина, проспавшего пару часов на нижней койке, набираясь осознанности, рвал пути сна. Наконец тот свесил ноги с кровати, повёл плечами, распрямился, широко зевнул, глядя на торчащий из рваного носка большой палец левой ноги.

— Выпьешь? — негромко спросил Сергей. Критик сверился с чёрным прямоугольником окна:

— Сколько на часах?

— Около семи вечера.

— Что-то случилось? — Окончательно проснувшись, Валентин впился в него глазами с большими, почти во всю райку зрачками.

— Случилось!

— Не поможет это, — спокойно констатировал Валентин.

— Знаю!

— Тогда наливай, — он пожал плечами, мол, раз такое дело, то почему бы и не выпить?

Последние три дня, проведённые в «ночлежке», или, как Сергей окрестил спортивную базу, в «ООО на Дне», они с Валентином присматривались друг к другу, иногда бросая в спину любопытные взгляды или открыто глядя в глаза. Их повышенный обоюдный интерес не был частью обычного знакомства. Взрывной и колкий, с одной стороны, и рассудительно-вежливый — с другой, они были скорее антиподами. И тем не менее оба — и Сергей, и Валентин, уловили схожесть взглядов на жизнь друг друга, хотя никогда не говорили об этом. Впрочем, как и на любую другую тему, обмениваясь лишь пустыми фразами. Но что-то неотвратимо тянуло их друг к другу, и никто из них не мог понять, что именно. Наверное, это называют родственными душами. Сегодня, выйдя за ворота «Северной триады», Сергей решил, что обязательно с кем-нибудь выпьет, и этим «кем-то» в пустом номере оказался спящий Валентин.

— И всё-таки что за «праздник»? — Критик посмотрел прямо из-под кустистых нахмуренных бровей.

Но Сергей уже знал — за хмуростью своей прячет он боль и тоску, что засели у него в зрачках, поэтому и не скрывал, знал — поймёт его Критик.

— На последние купил, — ответил Серега, устало глядя ему в глаза.

— Странно. Никогда бы не подумал, что с тобой такое может случиться.

— Это почему же?

— Держись ты как-то... — он ненадолго задумался, посмотрев куда-то в сторону, — уверенно, что ли, будто тебе всё нипочём. Поначалу думал — ты из богатеньких. Сюда ради хохмы

поселился, знаешь, сейчас многие богатеи нервы себе щекочут. Мозг заплыл от денег — вот и придумывают себе занятия поадреналинестее. Кто без воображения — в магазинах с полок товар ворует, а кто — на острова необитаемые без спичек и снаряги на пару недель на выживание.

— А может, я и есть богатенький, — улынулся Батько.

— Не-а, — Валентин мотнул головой, — я знаю их. Со многими встречался. Когда речь заходит о бизнесе или там о деньгах, у таких лицо меняется, становится отрешённым и глаза будто стеклянные. Был человек рядом с тобой и нет его — стал счётной машинкой. У тебя такого нет — я наблюдал.

— А ты от кого прячешься? Я ведь тоже наблюдал, — нашёлся чем ответить Сергей.

Валентин резко выпрямил сутулую спину, как от удара. Вцепился в Сергея глазами. По всему видно: неприятен ему был этот разговор, но всё ж таки ответил:

— Да так, от себя, наверно.

— Откуда сам-то? — сменил тему Сергей.

— Из Пяльмы. Слыхал?

Сергей не слышал, но для вида кивнул.

— Вот, у меня здесь на закуску есть немного... — Критик полез в сумку.

Валентин как-то уж очень обыденно, скромно, даже как будто стесняясь, поставил на стол литровую банку, а в ней — под завязку величинной чуть ли не с горошины янтарные бусины икры! У Сергея от удивления расширились глаза. Должно быть, такой восторг испытал Али-Баба, найдя в сырой, затхлой пещере несметные сокровища.

— Откуда такое чудо?!

— Так сам поймал, — Валентин удивлённо пожал плечами. — А что, у вас в Казахстане нет?

— В таких количествах не видел, — Сергей открыл банку, потянул носом воздух, ахнул и, не жалея, подцепил полную ложку икры. — Лососевая? — в свете электрической лампочки он рассматривал, как переливается янтарная горка.

— Угу, вообще-то, я её не ем — не люблю. Я икру собаке отвариваю — она любит. А сюда взял на всякий случай. Может, Тёще?

— Обрыбится Тёща! Хотел бы я хоть немного в будке твоей пожить! — Сергей, прикрыв глаза, с нежностью положил ложку в рот. А потом

ещё долго и восторженно мычал, перекатывая икринки во рту на зубок.

— А чёрной икры у тебя случаем нет? Или твоя собака только красную любит?

Они рассмеялись.

Разговор потихоньку пошёл, сдвинулся с места. Настороженно, хоть и с любопытством, обходя раньше друг друга стороной, теперь, будто восполняя утерянное время, они жадно, без умолку говорили, наслаждаясь общением. Рассказывали о себе, о людях, с кем раньше довелось встретиться, чем занимались, как выживали в перестроечное время. Пришедшие со своих занятий беломорцы с удивлением наблюдали за их оживлённой беседой.

— Ты неправильно ставишь вопрос, Валентин! — За час с небольшим, что они общались, им казалось, будто знают друг друга целую вечность.

— Задавать вопрос надо таким вот образом: не «почему», а «для чего»!

— Допустим. Хорошо указывать на чужих примерах! А сам-то ты «для чего» здесь оказался? — Валентин вошел в азарт. Раскрасневшийся, он то и дело подпрыгивал на стуле в поисках нужного довода.

— А я скажу, — Сергей тоже оказался тем еще спорщиком.

Облокотившись спиной о спинку стула, он выглядел расслабленным и спокойным, лишь говорил чуть громче обычного и рукой жестикулировал, будто вдавливал в голову прописную истину оппоненту-упрямцу.

— Очень удобно жить в парадигме «почему?» — жалеть себя умного, недооценённого! — Сергей считывал понятливые взгляды Валентина, и ему было приятно вворачивать умные словечки. — Зачем работать над собой в парадигме «для чего»? Кто этот труд заметит, оценит, кроме тебя самого? Проще обвинить весь мир, что ополчился против тебя. Сначала — учительницу, поставившую несправедливую отметку в школе, потом — удачливого торговца, занявшего твоё место за прилавком, бандитов, обложивших тебя данью, самолёт, на который ты опоздал, да мало ли что в жизни у нас не так! А ведь она, жизнь-то, для первого раза раздаёт шлепки лёгонькие — мол, учись, студент, куда прёшь, что творишь. А потом, после подзатыльников этих, пинками лупит —

оглянись! Посмотри вокруг — той ли дорогой выучным животным упираешься? Ты же человек, а не осёл! Раньше и я всё время почему-то. Как же, все мои друзья в бизнесе преуспели — машины, квартиры купили, в Эмиратах отдыхают, чем я хуже? Или другое — вместе вроде работаем, и уж наверняка знаю, что лучше, честнее я свою лямку тащу, а пройдоху, что рядом со мной от работы отлынивал, мне в начальники ставят. Где справедливость?

Валентин задумчиво пожевал губу, а Серёга продолжал:

— Все мы люди-человеки, одинаково любят всех нас там, наверху, — Сергей поднял указательный палец в потолок, — а у этого, что надо мной поставили, может, последний шанс выпал в жизни устроиться! Может, жизнь чья-то от этого зависит? А ты подумай, ДЛЯ ЧЕГО с тобой так «неблагодарно» обошлись? Что тебя поджидало впереди на этом занятом не тобой кресле? Оглянись ещё раз, прежде чем сетовать на судьбу-злодейку, на своём ли ты месте? Вот и перешла жизнь от шлепков нравоучительных мне по затылку к пинкам под зад, сначала — из бизнеса, потом — из Казахстана сюда, в «ООО на Дне»! Отдышись, мол, и подумай. Вот и залёг я, как субмарина, только перископ один и торчит.

Разгорячённый Сергей не сразу заметил, как подошёл к столу обычно молчаливый Тимофей, теперь он был взволнован, глаза горели на покрасневшем лице. Посидели еще чуток, погудели. Попозже на нетвёрдых ногах Сергей Батя отправился в номер к Насте из Апатит. Ему нужна была женщина, просто необходима, хоть поговорить, посидеть рядом, почувствовать тепло её тела. Это только кажется, что ему всё нипочём. Он решил, что останется у неё на ночь, знал — Настя не откажет ему. Утром, когда возвращался к себе в номер, он случайно услышал, как между собой ребята уважительно звали его «Батя», хоть и не по годам такое прозвище, зато в точности по его родной фамилии. Кличку Сергею всё-таки дали. «Батя, значит», — улыбнулся Сергей, и на душе стало тепло и спокойно.

В поисках работы время летело незаметно. Вот уже декабрь накинул на их окно морозную тюль. Утром он отправлялся в город по намеченному с вечера маршруту, изучая по дороге объявления, расклеенные на столбах, остановках или подъездах. Они снились ему по ночам: потрёпанные ветром, пожухлые, выцветшие, ослепшие на солнце, безликие листочки. Развешанные повсюду, они недобро шерились ему редкими старушечьими зубами с еле различимыми следами телефонов и адресов. Он вырывал очередной «зуб», клал его в записную книжку и шёл по указанному адресу. В своих снах Сергей почему-то всегда забывал нужный адрес или терял записную книжку.

Прибранный за ночь пушистым снежком город встречал его обжигающим гортань утренним морозом. На улице непривычно темно, долго не светало — не в пример южным широтам. Мерцающий в предрассветном сиреновом мареве снег хрустко отзывался под ногами, иногда, укутав тусклое белёсое северное солнце непроглядной мглой, в подворотнях и на улицах по-февральски выла раненым зверем метель. Совсем как в его детстве в северном Казахстане, в Караганде, тогда по радио, прервав напевную домбру, диктор сообщал, что школы города сегодня для детей закрыты. Звучало привычное: «Говорит Алма-Ата. Алма-атинское время — семь часов, — и сразу после этого: Аматыдан сойлеп турмыз. Алматы уакыты сегиз сагат». А потом опять лёгким степным ветерком прокрадывался под толстое пуховое одеяло к укрытому с головой Серёге голос Розы Рымбаевой... В такие дни у него был выходной. Дождавшись, когда родители уйдут, он доставал из школьного ранца свой дневник, присаживался к столу, долго размышлял над чем-то. Сидел твёрдо, недвижно, почти не меняя позы, будто вслушиваясь в завывания ветра за окном, а потом, скинув с себя оцепенение, начинал писать. Время от времени он вскакивал. Нервно прохаживался по привычному маршруту «дверь-окно-стол», снова садился и брал в руки карандаш, чиркал, стирал зачирканное ластиком, притороченным к тыльной стороне карандаша, и снова корявые буквы, сложенные в слова, то тороп-

ливо, то мучительно долго, но упрямо заполняли расчерченные в клеточку листы.

Критик был прав — без прописки нечего было соваться в приличные заведения. Даже в конторах поскромнее отпугивал его бирюзовый паспорт. Временная регистрация подходила к концу, неумолимо приближая вопросы от ведомственных служб. В эмиграционной службе, куда он пошёл, чтобы встать на учёт для получения гражданства, ему сказали, что необходима триждыклятая прописка и справка с места работы, в паспортном столе — что для начала нужен паспорт гражданина России. Он окончательно запутался в законодательных хитросплетениях, каждый из чиновников гнул своё, был своего рода Пеле, ловко отфутболивая просителя в очередной кабинет. Сергей похудел, стал раздражительным. Деньги, что у него были, давно кончились, и он довольствовался заработками грузчика, которые периодически ему подбрасывал Валентин — он халтурил на овощебазе и в авральные дни брал с собой Сергея. Он давно смирился с тем, что без паспорта клерком в офис его никто не возьмёт, и рад был выполнять даже такую отупляющую, тяжелую физическую работу. Наверное, надо было попасть в «ООО на Дне», чтобы по достоинству оценить все прелести «белых воротничков» офисного планктона. Может, зря взбрыкнул он тогда перед Олегом Вениаминовичем? Ходил бы сейчас — улыбался Боре Шалаеву, приседал бы перед его «оранжевыми» штанами и делал «ку» — куда проще? Ан нет! Знал: не смог бы. И дело было не в гордости или нетерпимости к «цветовой дифференциации штанов в обществе», Сергей на дух не переваривал наущничество, подлость, интриги, без которых, видимо, в офисах разнопошиба никак не обойтись.

Конечно, и в бригаде грузчиков — его новых знакомых — случались трения, но всё это скорее напоминало неприкрытую возню самцов за альфа-первенство в самом своём изначальном животном смысле, и это казалось Серёге честнее, хотя от правил, царивших здесь, он тоже был не в восторге. В бригаде вели себя без лишних заморочек: расспросами не докучали, говорили напрямую, не заискивали перед начальством, за воровство среди своих били в рожу, сворованный у барыги-растяпы товар делился поровну, каждый работал кто как мог и в конце

рабочего дня за стаканом «кислого» и бранной руганью получал от альфа-самца — бригадира «справедливо» заработанную долю. Батько принял в свой круг, хотя он не прилагал к этому ровным счётом никаких усилий. Разве что придерживался заведенных тут правил. Все привыкли к его молчаливости, замкнутости, без подозрений, как к чудачеству, стали относиться к отказам от пиратской добычи в конце смены. Сергей осунулся, над заострившимся носом, между бровями, залегла глубокая скорбная морщинка.

Серыми нескончаемыми днями тёмный омут безнадёги крутился в его голове, рвал на части, перемалывал картинки из прошлой жизни. Мимо проплывали плавательные сборы, трудовая «повинность» на даче у родителей, тренер, крутились восточные базары, братва, менты. Мельтешила разноцветными фантиками валюта всех мастей. Каруселью неслись кабаки, «веселухи» с друзьями, случайные девицы, дороги, снова бандиты, разборки и... конечно, Аня... Сергей много думал, размышлял — выуживал из муторного омота вывернутые наизнанку прошлые дни, выискивал, собирал по крупичкам, складывал рваные края пазлов забытых ценностей, скраивал для себя новые правила, по которым собирался жить дальше... Когда становилось невыносимо тошно, Сергей доставал дневник, брал в руки остро отточенный карандаш и долго увлеченно писал.

14

Чтобы хоть чем-нибудь занять себя в один из свободных дней, Сергей решил вывезти оставшиеся вещи с бывшей съёмной квартиры.

— А, Серёженька, — соседка Ивановна открыла свою дверь на требовательный стук. Впервые она почему-то ему улыбнулась. — Похудел, что ли? А у Клавдии никого нет. Как ты съехал, так там никто толком и не жил.

— Как же? — Сергей искренне удивился. — Она ведь дочери своей хотела квартиру оставить...

— Слушай её больше, — понизив голос до сплетни, зашушукала она. — Клавдия другого постояльца нашла — подороже решила квартиру сдать, — с неприятными злорадными нотками в голосе громко шептала она, — а он возьми и вынеси всё из квартиры!

— Как «вынеси»? Там брать-то нечего! Телевизор разве сломанный...

— Вещи какие-то вынес.

— Так там же мои вещи! — ахнул Сергей. Всегда относившийся к вещам равнодушно, ему вдруг стало безутешно жаль своих фирменных рубашек из «Quicksilver», привезенных еще из Москвы, когда челночил, костюмов и футболок «Арена», кожаных фирменных перчаток на зиму и главное: его спортивной сумки с надписью «Казахстан» по бортам. Ведь купить новое теперь не на что! «Может, врёт эта очкастая гадина, выдумала мне назло?! — цеплялся он за призрачную надежду. — Но какой ей в этом прок? Стоит ухмыляется!» — закипал он.

— Вот твои, значит, и вынес, — Ивановна с любопытством мучителя блестела окулярами.

— А вы на что?! Вы же целыми днями дома сидите! — взорвался Сергей, сжимая кулаки, чуть было не кинулся на бывшую соседку.

— Нечего было оставлять — не камера хранения! — рывкнула Ивановна и тут же прикрыла дверь. — Ишь — «дома целыми днями!»! Одна работать не хочет — квартиру сдаёт, другому лень было свои вещи забрать! А я теперь виноватая! Ищи теперь сам Клавку, пусть компенсирует кражу. Сюда не приходи! — Она окончательно захлопнула дверь.

А он и не собирался приходить, что теперь поделаешь? Кто его вещи вернёт? Кто оценит выданную ему по линии сборной сумку, костюмы? «А эта хозяйюшка, Клавдия, тоже мне — святошей прикинулась, бабка божий одуванчик! Чего её послушал? Надо было гнуть своё, вытрясти из неё душу, кто вступится за нищую старость, зачем деликатничал? Дочь у неё приехала, видите ли... Да что же это творится-то, а?!» — в душе Сергея от гнева все кипело. Что же такого он совершил в жизни? За что ему всё это? Ведь «не убивал» же, как говорится, и «не грабил лесом». Сколько ему ещё мыкаться?! «Придумал же: парадигма «для чего?» — философия для нищих и неудачников!» — клял он себя. Почему он не может быть рвачом, ловчить, идти по головам к своей цели? Слабак и гуманист — быть у колодца и не напиться! «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» — вот кредо современности, которое нужно принять. Быть как они — «вершители судеб»?! Но

что же делать, если не по нутру ему дешёвая власть владельцев «газет и пароходов», а по сути: власть «этажерок» и «гардеробщиц» — владельцев ключей от номеров и номерков от вашей одежды?! Как быть, если не приемлет он всякую власть над человеком?! И что ему делать теперь с собой таким?

И горько ему было от мыслей этих, и больно так сжалось сердце. Снова он шёл по ненавистной тёмной улице Чапаева, колким снегом выюжило в лицо, хоть волком вой, и неуместно радостно, с надрывом бухает музыка в кабаке «Flash». Одним словом, дежавю, и вырваться из этого порочного круга уже не доставало сил.

«Сергей?!» — его кто-то окликнул из темноты салона машины, прижавшейся к обочине. Он нехотя подошёл. За баранкой тонированного «лупатого» «Мерседеса» сидел Олег Вениаминович. Сытый, в дорогом костюме — тот ещё фронт! В приспущенное окно был виден кожаный салон, из динамиков бархатным голосом Розенбаума льётся «Вальс Бостон». Панель светится приглушённым умиротворяющим светом синих, красных, желтых огоньков. Из теплого салона пахло цветочным ароматом. Волшебный, абсолютно другой мир!

— Ты куда пропал?! Почему не позвонил?

— Здравсьте! Как «куда пропал»? Вы же сами сказали: «Нет!» — с вызовом, с горькой ехидцей в голосе отозвался Сергей.

— Ты быстро трубки кладёшь, — примириительно начал он. — Я хотел тебя домой пригласить, чего тебе в офисе делать?

«Вот так поворот!» — подумал Батько. Он ментально остыл. Испарилась злость, исчезла обида, словно его разоружили, сняли тяжёлые латы. Он вдруг сник, им овладела усталость и безразличие. Олег Вениаминович смерил его взглядом, задержался на опущенных глазах.

— Садись, подвезу куда надо, заодно расскажешь, чем занимаешься, — дотянувшись до ручки, он приоткрыл переднюю дверь, приглашая в салон.

Машина припарковалась по улице Куйбышева, напротив входа в спортивную базу.

Проговорили они около часа. Сергей рассказывал, как сложились дела и что пережил.

— Да-а, дела, — протянул Олег Вениаминович, нарушая долгую тишину после их разгово-

вора. — Ладно, придёшь завтра в офис. К себе обратно брать не стану — правило, — сказал сухо, — но что-нибудь придумаем, пока паспорт не получишь — потом уже сам как знаешь. Кстати, что с паспортом?

— Требуют какого-нибудь подтверждения, что я из Казахстана. Говорят, фамилия у меня не казахская, а паспорт можно и подделать!

— Хе-хе, так и сказали? Я позвоню кому надо, вопрос решим. Возьми мою визитку, со всеми своими бумагами зайдешь в тридцать третий кабинет, скажешь — от меня. Ну, бывай. Не забудь: завтра — ко мне. Я тебя сдёрнул с места, чем смогу — помогу первое время, — и, немного помолчав, добавил: — А насчёт Бориты прав оказался — я разобрался во всём. Уволил гадёныша. Так что за мной должок.

«Ну и дела! А Олег Вениаминович-то — чело-вечище!» — размышлял ночью в постели Батько. Сергей не знал точно, радоваться ему этой встрече или нет. Сердце, как ни старался сдерживать себя, радостно пело в груди — теперь всё будет иначе! «Опять довериться?!» — пытался охладить сердце рассудок. Уж больно хорошие учителя попадались ему в последнее время. Но Олег Вениаминович зря посулов не давал — уважал себя, твердость данного им слова. Сергей не заметил, как принял решение. Да и не мог он отказаться от помощи: когда тонешь, схватишь всякий круг, брошенный навстречу, важна каждая протянутая рука. Оно, может, действительно всё к лучшему? Может, вправду, нужны были для чего-то его мытарства? Сколько всего передумано, перелопачено... Еще в Казахстане, копаясь в книжках по психологии, которые Сергей особенно любил, у Леви-Стросса он вычитал: «Миф — это ответ, к которому мы ещё не выбрали свой вопрос». Может, надо чаще задавать вопросы, чтобы пытаться понять, разобраться в жизненных хитро-сплетениях, в самом себе? Он почувствовал произошедшие в нём изменения, стал уверенней в своих силах, закалился духом, словно сунули кувшин в печь для обжига и сдюжила глина, проявился, заиграл рисунок на покрытых эмалью боках, наливай в сосуд хоть по самые края — ни капли не обронит. Этой ночью Сергей долго не мог заснуть, а еще затемно, скоро накинув одежду, он выскочил в морозное утро.

В паспортной конторе бумаги у него взяла улыбчивая и вежливо-обходительная женщина лет сорока. Вернее, она стала такой сразу, как только, прорвавшись через преданную своему делу крикливую дамочку, Сергей чуть ли не вбежал в дорого обставленный кабинет и вручил строгой хозяйке визитку, отбиваясь другой рукой от возмущённого усердия секретарши.

— Через пару неделек подходите за паспортом, — добродушно улыбаясь, сказала хозяйка кабинета, — привет передавайте Олежке, Олегу Вениаминовичу, — поправились она.

Дальше — в офис к Олегу Вениаминовичу, как договаривались. У входа Сергей чуть не столкнулся с Игорем. Он был в компании с одним типом, показавшимся уж больно знакомым. Высокий, крепок в плечах, белёсый с серыми глазами и отталкивающе маленькими зрачками. Где же он видел эти злые звериные глаза? Они даже не поздоровались. Расставив шире локти, словно перекаченный амбал, Игорь гордо пронёс своё щуплое тело мимо Сергея, едва доставая головой до его плеча. Смешно.

— А, это ты... Проходи, — Олег Вениаминович привстал с кресла, поздоровался.

— Видал, Фонарик забурел совсем! Договор выполнять не хочет. Привёл тут одного чёрта на разборки.

— Какой Фонарик? — лицо Сергея изумлённо вытянулось.

— Ты разве не знал, что Игорек многих кинул. Он уже, как ты выражаешься, полгорода на фонарь посадил. Не думал, что он против меня пойдёт. Зря я с ним связался, — и чуть позже: — Ничего, разберёмся, — сказал — и по шкуре мороз от его слов, и смотрит остекленеными глазами. — Ладно, это мои дела. Ты говори, что у тебя нового?

Олег Вениаминович пообещал помочь ему с работой. Сергей сам выбрал охрану. График удобный — сутки через трое, есть время заняться его писаниной, а там видно будет.

— Почему охрана? — Олег Вениаминович не скрывал своего удивления. — Может, в лесную контору или в строительную компанию менеджером? Я попрошу — возьмут и без паспорта.

— Нет. Я так решил, — кажется, его бывший шеф разочаровался в нём окончательно. Сергей не хотел говорить ему об истинной причине

его решения — не поймёт. Что-то произошло внутри него, что-то вызревало. Он сам ещё не совсем понимал, что же случилось с ним за то время, что провёл он на спортивной базе. Хотелось разобраться в своих чувствах, желаниях и, конечно, дописать то, что так долго вынашивал в себе. И потом, как сказал бы его тренер, «перегорел» он. Чего он там не видел в этих офисах? Опять интриги, тычки локтями коллег, спесивые взгляды от «опытных» работников, одним словом — шалаевщина! Ну их всех к чёрту! Сергей уже не рвался в офисные работники — решил взять тайм-аут. Слишком непросто прошли для него эти передрыги — крепко досталось, не потянет сейчас такую работу — будет осторожничать, перестраховываться. Одним словом, в ту же реку попасть не хотелось — надо было сначала разобраться кое в чём.

С Олегом Вениаминовичем они договорились о звонке, холодно расстались.

Ловя ртом снежинки, Сергей впервые за эти дни почувствовал себя беззаботным, счастливым. Надо было это как-то отметить. Давно он не баловал себя вкусеньким, бич-пакеты уже видеть не мог, а тут вдруг решил: будь что будет — куплю. Порылся в карманах, стрёб мелочь в кулак, пошелестел двумя бумажками — хватит.

— Девушка, дайте литровую кока-колы и чипсов.

В комнатухе никого не было. Сергей скинул куртку, обувь и растянулся на своей койке. Чипсы закончились быстро. Довольный Батко полулежал, переваривая события последних дней, потягивал кока-колу, шурился на жёлтый свет электрической лампочки под потолком. «Да, есть свет в конце туннеля!» — от этой мысли хотелось жить.

15

С паспортом дела пошли веселее. Сергей устроился на работу в охрану, работал по графику сутки через трое. И хотя деньги платили небольшие, зато на съёмную комнату было вполне достаточно. Сергей уже присмотрел одну недалеко от работы. И потом, он же халтурить может во время положенных для отдыха дней. Со спортивной базы он пока не соби-

рался съезжать — копил на съёмное жильё, потому что хозяин просил за полгода вперёд.

Уехал и вернулся через два месяца Валентин. Приехал с радостной вестью — помирился с женой, она, как оказалось, в положении, и теперь в назначенный срок у них родится малыш.

— Компьютер буду покупать. Пока только б/у, разбогатею — новый возьму. Надоело в редакцию каждый раз ездить. Кстати, вот, посмотри: написал для журнала — там мои комментарии к прошлому номеру, обо всех авторах понемножку написал, — он протянул желтые листы с печатным текстом.

— А почему такое название: «34»? — поинтересовался Сергей, пробежавшись глазами по первым двум страницам.

По-отечески внимательный взгляд Валентина, выражающий глубокое почтение к читателю его трудов, теперь сменился на яростно-возмущенный взгляд редактора, потратившего впустую время на бездарность, стоявшую рядом.

— Здесь об этом в самом начале! — подпрыгивал он рядом в нетерпении всё разъяснить. — Читай внимательно: «34» — тридцать четвёртый номер этого журнала.

Как оказалось, беломорчане были правы: Валентин действительно писал критику и даже издавался в каких-то районных газетах. Писал он и в крупные издания республиканского значения, и даже как-то вышла его статья в журнале вроде этого. Он неохотно говорил о своём хобби, как мог, скрывал увлечение. В его родном посёлке считали, что бестолковее, чем писать в газеты, занятие трудно придумать, когда Онего под боком да в лесу и на болотах в сезон заготовок грибов с ягодами тьма — только успевай в приёмные пункты таскать. Хотя народ там, по большей части, живёт читающий — истрёпанную годами, давно забытую властями библиотеку местный люд уважал по-прежнему, как и в доперестроечное время, ходил туда и стар и млад за обтерханними томиками, и хоть зарплата плёвая, копеечная, но библиотекарь всегда был в посёлке на хорошем счету.

— Заголовок — половина успеха, — учил он Сергея, — он должен быть ярким, объёмным и интригующим в то же время.

Сергей замылся, будто хотел перебить, сказать что-то важное, то, что уже давно вертится

на языке. Валентин, давно подметивший эту манеру своего товарища, спросил, прервав свои пафосные измышления:

— Давай, чего там у тебя?

Батько кивнул, приподнял уголок матраца на своей кровати и вытащил оттуда толстую тетрадку.

— Вот, — сказал он, смущаясь, — посмотри, если интересно.

Валентин открыл гляцевую обложку тетради, перевернул первую страницу, за ней — вторую, посмотрел, как показалось Сергею, с удивлением на него:

— Почему раньше не сказал, что пишешь?

— Пока не было, о чём говорить, — только написал.

Опять он кинул на него удивленный взгляд. Нет ничего мучительнее, чем ждать решения строгого судьи. Как говорится, «казнить нельзя помиловать» — ждать ту самую пресловутую запятую, которая может перечеркнуть всё. А лицо Критика ничего не выражало — Критик он и есть критик! Нахмуренное, сосредоточенное лицо, легкий наклон головы свидетельствовали о погруженности в чтение. Послюнявив палец, он неторопливо перелистывал страницу за страницей. Для Сергея эти минуты стали пыткой — вот так сидеть и гадать, что же думает Критик. Чтобы развеяться, Батько выскочил на улицу на давно утративший былую силу морозец. Улица уже шумела слякотью тротуаров под ногами, подтаявшей ледяной крошкой под колёсами машин, и над всем этим стоял радостный, неистовый ор весенних птиц. Март подходил к концу, день становился длиннее, и Сергей знал, что осталось не так уж много времени, когда ночью будет совсем светло — не в пример южным широтам. Он выбежал из комнаты, не накинув куртку.

Батько не на шутку разволновался. Он впервые решил показать, что пишет. В школе на уроках литературы Сергей чувствовал себя как рыба в воде. Рассказать о характере героя — пожалуйста, о чём хотел поведать в своём произведении автор — не вопрос, сочинение — с удовольствием. В спортивном классе, где учился Сергей, все знали: за сочинением надо идти к нему. Как-то пришлось даже писать сочинение на вступительных экзаменах в институт за другого.

В то утро, когда еще все спали, к ним в квартиру позвонил тренер, перепугав всю семью. Мама так разволновалась, что схватилась за пузырек с валерианой. Серёгу буквально сдернули с постели и привели в дом Артёма Назаренко — того самого нерадивого абитуриента и члена сборной по плаванию, который накануне провалил сочинение. Виновник «торжества» сидел в кухне, стыдливо уставившись в пол.

— О чём писать-то? — спросонья соображал Сергей, вопросительно глядя на Артёмову одуванчиковую светлую макушку, затем перевёл взгляд на переполошённую родню — мамашу в бигуди и халате, взъерошенного папашу в майке и трениках, потом на тренера.

— Пиши про войну — это модно, — сказал умудренный опытом Геннадий Николаевич, вытирая взмокшую лысину. — Сделай пару ошибок, а то не поверят.

— Тогда про партизан? — Сергей уже не смотрел на флагмана их сборной. Как по волшебству перед ним лёг двойной лист бумаги в клеточку и сразу две шариковых ручки.

— Давай про партизан! — махнул в нетерпении тренер, будто дал отмашку на старте. — У нас время подпирает.

— Про Николая Кузнецова? — Сергей размял пальцы.

— Пиши уже! — в один голос прокричали родственники и тренер.

— Двух листов мало, — сказал Сергей, погружаясь в легендарные события военного 1944 года близ города Ровно...

После тренировки, подгадав время, Артём подошёл к Сергею.

— Расскажешь кому — убью! — и вместо благодарности горе-абитуриент сунул ему под нос капитанский кулак.

Сергей улыбнулся своим воспоминаниям, отвлекшись от волнительных ожиданий. Скоро ему стало зябко, вернулся в гостиницу.

Валентин сидел за столом перед закрытой тетрадкой. Он обернулся, когда вошёл Сергей. Встал.

— Ну что сказать?.. Написано неплохо, некоторые эпизоды просто отлично. Признаюсь, не ожидал. Я подчеркнул места, над чем, по моему мнению, тебе нужно поработать, скобками выделил особо понравившееся. Начни с

названия — его нужно изменить. Помни, о чём я говорил тебе.

Сергей хотел было рассыпаться в благодарностях перед Валентином, но, радуясь в глубине, промолчал, обдумывая, что же ему теперь делать с рукописью. Он сел за стол, скрестил на груди руки и ещё долго изучал потрёпанную обложку тетради, не решаясь её открыть. Похоже, Критику были знакомы его переживания. Бросив на Сергея цепкий взгляд, он встал и вышел из комнаты.

16

Сергей сидел на набережной. Снег уже сошёл, и воды Онего, вскрыв и разломав лёд, свободно вздохнули после зимней спячки, вдоволь нагулявшись, лениво играли они ледяной шугой. За сизой дымкой, по ту сторону залива, топорщился остроконечными пиками мачтовых сосен другой берег. Над застывшими у причала, будто повисшими над водой «Кометами» простуженно кричали чайки. Скоро откроется навигация, и Сергей обязательно съездит на остров Кижы — он давно решил. Пряча лица от холодного ветра в поднятые воротники курток, прогуливались влюблённые парочки, не замечая скульптур городов-побратимов, щедро выставленных тихой и благополучной Европой здесь, на эрозии северных ветров. Прямо перед Сергеем — две бесплодные потешные пушки времён Петра Великого уставились пустыми жерлами на невидимого врага. За спиной, через узкую полосу парка — редакция журнала, в руках он держал рукопись. Валентин все-таки настоял. Сергей не решался идти в редакцию. Нет, он не боялся — «казнить так казнить», «миловать, значит, миловать!» Но что-то вот уже больше получаса удерживало его в студёном ложе скамейки. Чего ждёт?.. Вот и продрог уже. Всё — пошёл!

— Молодой человек!

Он обернулся. Его окликнула стройная, очень симпатичная девушка с улыбающимися глазами.

— Не могли бы вы сфотографировать меня у «Дерева желаний»?

«Отчего бы и не мочь, хоть и неправильно поставлен вопрос!» — подумал Сергей, помня о своих выводах.

— Конечно. Только я не знаю, где оно, — нарочно соврал он, сам того от себя не ожидая.

В глазах ее читалось удивление и неподдельный интерес к нему.

— Оно рядом, возле тех рыбаков, — чуть приподнявшись на цыпочки, показала она изящной ладонью в лайкре перчатки, — вдоль набережной, ближе к причалу.

— Кажется, там действительно что-то есть, — широко улыбаясь, согласился Сергей, включая всё свое обаяние.

Она шла рядом, тихонько цокая высокими каблучками, рассказывала о скульптурах. Он рассматривал стоящие справа от него железные столбики разных размеров — как остовы покореженных клюшек или причудливых труб, а заодно косился на незнакомку.

— Это из Германии... Ключи, кажется, символ дружбы.

Дальше — скрученная из железных прутьев скульптура рыбаков у каменного парапета набережной. Над головами двое держат застывшую в железе паутину невода. Оказывается, это подарок из США. Символ созидания.

Подошли к выкрашенному в чёрное голому дереву. Холодное, схваченное жестким корсетом стекловолокна, оно было шероховатое на ощупь.

— Наверно, почернело от подслушанных желаний! — пошутил Сергей.

— Нет! — (У неё приятный звонкий смех.) — Дерево чёрное не от людских желаний, а по замыслу автора. Если прошептать сюда самое сокровенное, то это обязательно сбудется!

На дереве — белое ухо, принимающее от населения просьбы с надписью выше: «Прошепчи одно желание».

— Так вот где, оказывается, филиал небесной канцелярии! — воскликнул Сергей, театрально кинув взгляд в небо, его глаза лучились радостью.

— Работа шведских скульпторов, — смеялась она, — дерево желаний из их национального эпоса.

— Как это по-нашему, по-русски — за граница нам поможет!

— А вы разве не будете загадывать? — удивленно спросила девушка.

— Опять не та постановка вопроса, — соловьем заливался Сергей, — но как не послушаться такую красивую?

Она чуть покраснела и засмушалась. В этот момент Батько показалось, что он совсем пропал.

— Но что же такого загадать? Почему только одно желание? Ах да, шведы! Наша родная щука пощедрее будет.

Наконец он прошептал что-то в белое ухо на чёрном, будто обгорелом стволе.

А потом они сели на скамейку вдвоём. Ему казалось, что он знает о ней всё, хотя она о себе еще не рассказывала. Девушка откинула за плечо русые волосы и снова звонко засмеялась — не поверила, что он родом из Караганды. В ответ на ее расспросы, кто он, Батько на мгновение замолчал, стал серьёзным, соображая, что сказать, чтобы сразу не отпугнуть.

— Я писатель. Вот кто я! — нашелся Сергей и тут же смущенно поправился, видя ее восторженный взгляд: — Я только начинаю писать... Может, ещё ничего не выйдет и брошу...

Тогда он слукавил, он уже понимал, что по-другому жить не сможет. Чем бы он ни занимался, куда бы судьба ни закинула — он будет писать. Это стало для него такой же необходимостью, как еда, вода, воздух.

— Это ваша рукопись? — она уронила взгляд на тонкую папочку на его коленях.

— Угу, — теперь была его очередь краснеть.

А ему давным-давно не было так хорошо, с тех пор, когда был ослеплён двумя изумрудами у Голубого залива в Боровом.

— Этот новый вариант еще никто не читал, — пояснил Сергей. — Знаете, новая редакция, новое заглавие... — ... и мысленно добавил: «...Новая жизнь!»

— Можно? — она вопросительно посмотрела ему в глаза.

Чуть коснувшись руки Сергея, девушка взяла стопку листов:

— «Восточный хайвэй»...

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет»

и «Под солнцем цвета киновари».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

